

Эти стихи дают вертикальное измерение каждому мигу, они открывают возможность поворота всегда и везде и каждому. При этом они чисто русское явление. В их синтез мировой культуры органичен, как живое дерево, а не как агрегат. В них — отражение всей мировой культуры, особенно духовной, но для восприятия они этой культуры предварительно не требуют, ибо отражают не культуру, а источник, которым она светится. Каждым стихотворением можно воспользоваться, как воздушным шариком, чтобы полететь в нужную сторону; чтобы вознестись на столько секунд, сколько хватит духу. При этом они негромки как Дух. Есть люди, любители поэзии, которым они ничего не говорят, даже раздражают. Такие любят «новое». Есть поэзия, которая хочет по-новому сказать о старом и всем известном. А тут поэзия другого измерения: она говорит о почти неизвестном — в этом ее новизна. /Александр Хабинский/.

I. Есть сила молчанья

* * *

Мои великие затишья—
Сиденье у незримых ног,
Когда неслышимое слышно,—
Продли их Бог... продли их Бог...

Мои глубокие безмолвья
У моря на краю земли.
Когда почти не плещут волны,—
Продли их, Господи, продли...

Мое блаженное успенье –
Успенье мук, успенье вин,
Когда меня все мене, мене

И, наконец, есть Ты один...

* * *

Запрятаться в келью, зарыться в берлогу,

Спуститься к вселенскому дну,

Быть самой маленькой ракушкой Бога,

Вобравшей Его тишину.

Когда-нибудь кто-нибудь, близкий по духу

Подымет с иссохшего дна

Ракушку, приложит нечаянно к уху,

И в нем зашумит тишина.

* * *

Успокой меня, успокой,

Несмолкающий плеск морской.

Звоном пены и раз и сто

Повтори мне, что я—никто

Иль что центр Вселенной всей

Уместился в груди моей.

Мне откроется лишь одно,—

Что тебе это все равно

И что наши земные сны

Навсегда для тебя равны.

Но бессменная песнь твоя
Скажет снова, что ты есть я,
И не нужно мне ничего,
Кроме голоса твоего.

* * *

Море! Море! Мы все из него.
Мировая единая мать.
Нескончаемых сил торжество,
Бесконечный приток благодати.

Не измерена щедрость твоя.
Ты себя в каждой капле повторишь.
И в громовых речах соловья,
И в любви-то же самое море!

* * *

Каждый день умирают предметы.
Каждый день наступает пора,
И-в лучах заходящего света
Растекается, тает гора.

Тихий ангел прозрачною дланью
Незаметно касается нас.
И таинственный час умиранья
Есть молитвы торжественный час.

* * *

День уходил. И то, что четким было,
Покрылось дымкой цвета янтаря.
Страсть остывала. Нежность восходила.
И воцарилась на небе заря.

И оказалось, Боже, оказалось,
Что свет не гаснет, а рождает свет,
И что вся жизнь есть только лишь начало
Той нежности, которой края нет...

* * *

И вновь блестит морская гладь,
Как глаз провидца.
Прийти и снова увидеть
И удивиться
Тому мгновенному чутью
И глазомеру.
Измерившему глубь мою
И силу веры.

* * *

Ширь родная, ветер встречный,
Запах моря. Дух знакомый.
Я ведь только в бесконечном

Обретаю чувство дома.

Только в этой всеединой

Дали-сил моих запасы.

Не ссылайте на чужбину—

В царство множеств, в чувство часа!

* * *

Такое истонченье ткани!

Мне видно то, что за стеной.

Есть тайный опыт умиранья—

Проникновенье в мир иной.

Склонялось солнце низко, низко—

И вот уж вовсе нет огня.

Но мир иной от нас так близко!

Здесь, рядом—в сердце у меня.

* * *

Как оно глядит далёко.

Солнце на закате!

Чтоб идти за этим Оком,

Сотни лет не хватит.

Через море, через сушу

И еще далече...—

Прямо в сердце, прямо в душу.

Прямо — в бесконечность.

* * *

I

Как сказать, как узнать, что такое крыло?

Это то, что внезапно из сердца взошло-

Узнавание единоверца-

Луч души, излучение сердца.

Это-так переполнено все существо-

Преизбыток его. просветленье его.

Через край перелитая сила

И-внезапнымпучком-шестикрылость.

II

А может быть крыло иное-

Крыло с огромный мир длиною,

Крыло, которое готово

Стать для Вселенной всей покровом.

Всем, всем,—как в мире нас ни много-

Просторно под крылом у Бога.

* * *

Не надо молний громовержца,

Не надо крыльев райской птицы.

Дойди до собственного сердца

И в ней сумеи остановиться.

Дойди до той последней глуби,
Куда влилось, как в чашу, время,
И где с такою силой любят,
Что все встречаются совсеми.

* * *

Переливы, переходы,
Пересветы, перекаты
В тихом небе,
В тихих водах,
В приближении заката.
Переплески, пересветы.
Перелады, перегуды
В растворенной дали этой
Перед близящимся чудом.
Скоро все слова потонут
В этой бездне молчаливой.
Нам оставив только звоны-
Пере-звоны, пере-ливы.
Потеряется граница,
Чувство часа нас покинет—
В мире музыка родится
Первозданною богиней.

* * *

Во все горло без утайки
Льются птиц рулады.
Соловьи да, может, чайки
Так живут, как надо.

Может, в мире только птицы
В самом деле знают,
Что у сердца нет границы
И у жизни края.

Им одним на свете слышно
Божье благовестье.
И за это им Всевышний
Дал крыла и песни.

Явь так тиха!.. Крикливы только сны.
Чем эфемерней, тем они капризней.
А жизнь есть накопленье тишины.
Как тишина-переполнение жизнью.

Постепенно, постепенно

Гаснет свет на небосводе.
Это значит. Царь Вселенной
Незаметно к нам подходит.

Обвевая краски дымом,
Приглушив дневные шумы,
Царь кротчайший, Царь незримый
Входит в сердце, входит в думы.

Чуть бледнее голубое,
Чуть нежней и мягче воздух...
Наполняет мир собою
Тот, который мир наш создал.

* * *

Все дело в полнозвучьи тишины.
В тот самый миг, когда она восходит,
Обманы наши разоблачены
И дух могуч, бескраен и свободен.

Все дело в том, чтобы взошла она
И прозвенела или просияла,
Огромная, как полная Луна,
Залившая голубизною скалы.

* * *

Зачем цветами сплошь покрыта
Земля и нет лесам конца?
Затем, что мир—переизбыток,
Перенасыщенность Творца.

Затем и был когда-то создан
Весь этот бесконечный свет,
И нет конца на небе звездам,
И морю окончанья нет.

Быть может, состоится встреча—
Когда-нибудь родится тот,
Кто захлебнется бесконечным
И сам захлеб творить начнет.

* * *

Пространств немое песнопенье.
Развернутая даль тиха.
О, полнота освобожденья
От первородного греха!

Он смыт сплошным разливом света.
Чиста, как Божий глаз, вода.
Как будто не было и нету
Разноголосиц никогда.

Никто не вбил меж нами клина—
Нельзя разрезать гладь небес.
Душа и Бог опять едины,
И каждый умерший воскрес.

* * *

А море не гремело, не сверкало,
А было бледным матовым опалом,
Тем самым млеком, чья струя святая
Дитя новорожденное питает.

И как дитя, приникнувшее к груди.
Душа вселенской ласки не забудет.
Ей будет снится до скончания века,
Что вечность-мягко льющееся млеко..

* * *

Я видела море. Я видела Бога.
Минута у моря и—жизнь без минут.
Я вмиг потеряла ни мало, ни много—
Все то, что земною опорой зовут.

Земною опорой, надеждою, силой—
Все то, чем я долгие годы была.

И только внезапно пространство раскрылось,
Как два бесконечно широких крыла.

Зерно пропадает в середине провала
И вверх пробивается юный побег.-
Я видела смерть, и душа ликовала
О том, что ей смерти не будет вовек.

* * *

Море учит раскрывать крыла.
Когда тишь великая легла,
Неподвижно водное стекло.
Как душе не развернуть крыло?

Как всей силой сердца своего
Не понять глубинное родство
С тем, что без начала и конца—
С тайным всемогуществом Творца?

* * *

И вот—открытое, сплошное
Пространство тянется, светясь.
Морская гладь-передо мною,
И знаю я, что это связь,

Что эти бархатные горы,
И неподвижная вода,
И неба блеклые просторы-
Натянутые провода.

Умолкни, мысль! Замри, мгновенье!

Вот с этим никнущим лучом
Сюда приходит сообщение.
Я слушаю. Прием! Прием!

Все собрано. Душа готова.
Во мне препятствий больше нет.
Для этого немого слова
Я рождена была на свет.

Иных знамений нам не будет,
Лишь только сей беззвучный звон,
Сей благовест. Услышьте, люди:
Бог очень близко. Это Он!

Весь мир объял великий вечер,
Горит и тает в далях дым,
И все пространство-место встречи
Души с Создателем своим.

* * *

Над морем нависали тучи,
Но солнце горы золотило.
И тишина была могучей
Непререкаемою силой.

С минутой каждую все гуще
Ложилась на воду и горы
И становилась всемогущей
Царицей целого простора.

И сердце молча понимало,
Что век лишь начат, а не прожит,
Что мы пришли сейчас к началу,
Что Дух воистину все может.

* * *

Да будет благословенна
Раскрытая даль Вселенной,
Вместившее внутрь так много-
Разверстое сердце Бога.

Да будет душа достойна
Морской широты спокойной.
Склоненного низко света
И нежности вечной этой.

О, дай потерять границы,
Как Ты, до конца раскрыться,
Сзывая в свои глубины
Всех тех, кто Тебя отринул.

* * *

У моря среди древних скал,
Молчанья смерти не нарушив,
Господь мне тихо открывал
Наполненную жизнью Душу.

И в совершенной тишине
(Не может быть полней и строже)
Спросило сердце: это мне?!
Благодарю Тебя, мой Боже!

* * *

Помедли, Господи, помедли!
Свет гаснет, чуть шуршит прибой.
Приходит мира час последний—
Час единения с Тобой.

Час единенья, час слиянья,
Земного царствия порог.

Открылась жизнь за нашей гранью.

Проходит мир, приходит Бог.

Последний свет на небосводе,

И Божий взгляд в моей груди...

Все отдаю, пусть все проходит,

Но только Ты не уходи!

Продли последний прочерк света,

Вселенской тишью оглуши...

Смерть—это не конец, смерть—это

Час размыкания души...

* * *

Есть пауза между мирами,

Между событиями и днями,

Меж всем, что в нас болит и спорит...

Есть пауза, и это—море.

Тире огромное, немое,

В котором слиты вместе двое-

Два берега, две дальних дали,

Что вдруг единым целым стали,

Лишь потому, что между ними—

Не плоть, не форма и не имя.

* * *

И снова я несу свою присягу
Всему, что распростерлось впереди.
И вновь—невозмутимость Карадага
И трепет чайки на его груди.

Отважных птиц белеющая стайка
И в скалы ударяющий прибой.
Пусть я всего лишь трепетная чайка,
Но я люблю, и я сольюсь с Тобой.

* * *

Когда волны омывают камень.
Когда горы овеивает дым,
Я слежу бесшумными часами
За незримым творчеством Твоим.

Слышу звуки гулко-го прибоя—
Твой призыв без края и конца.
И учусь творить из ничего я
По следам незримого Творца.

* * *

Я сяду у моря, чтоб слушать и слушать
Тяжелый медлительный вал.
Я сяду у моря наращивать душу,

Которую мир обкорнал.

Я сяду у моря зализывать раны.

Укроюсь в берлогу свою

Размером с зеленую ширь океана

У синих небес на краю.

* * *

И вот уж нет земного бремени—

Лишь море, небо да скала.

Я потеряла чувство времени

И чувство Бога обрела.

Нет ни грядущего, ни Прошлого—

Переполнение бытия.

Моя душа, сквозь все проросшая,

Разросшаяся за края.

* * *

Море шепчет мерно, глухо—

Звук Господней тайной лиры.

Слово dalej, слово Духа.

Слово сердца, слово мира.

Звук молчанья, звук прибоя

Беспреданный, неизменный.

Это лад с самим собою,
Это лад со всей Вселенной.

* * *

Есть сила молчанья, есть сила такая.
Пред коей все ветры земные смолкают.
Есть сила, воздвигшая все мирозданье.
Могущество Божье есть мощь умолканья.

Конец разногласьям. Окончились споры.
Молчание наше есть слово простора,

Есть слово—громада, есть слово—лавина.
Есть слово, собравшее мир воедино,
То слово великого Божьего лада,
Которому слов наших дробных не надо.

* * *

Замелькали, заблестели...
Ширь огромна, волн так много...
Волны шепчут еле-еле.
Чтоб не тронуть мыслей Бога,

Чтобы не спугнуть случайно,
Ненароком не нарушить
Той глубокой, тихой тайны,

Что переполняет душу.

* * *

Свиданье с морем—это поцелуй,
Который невозможно прервать,
Долгий, как жизнь,
Переливание жизни в изжаждавшуюся душу.
Напоминание Бесконечности,
Что мы дети ее,
Дух от духа.

* * *

Позабыть свое тело,
Слыша вечности зов.
Отдохнуть от пределов,
Отдохнуть от концов...

Окунуться в огромность,
Внутри вдыхая прибой,
И поистине вспомнить
Бога всею собой.

* * *

Меж мной и Богом стенок нет.
Исчезли все препоны.
Со всех сторон-огромный свет.
Коленопреклоненный.

Темнеют над водой хребты,
И на воде великой
Сейчас разгладились черты
Божественного лика.

* * *

А может быть, Творец есть тишина.
Та тишина, что нам повелевает.
Умолкло море, не шумит волна,
И из покоя древний холм изваян.

Прибрежный камень погрузился в сон,
И в мире не бывает часа кротче.
Вот в этот час и подступает Он,
Чтобы творить со мною, что захочет.

* * *

Сейчас весь мир—открытый вход
В тот тайный, в тот незримый грот,
Который есть не что иное,

Как сердце смертное, земное.

И вот оно растворено

И Богом до краев полно.

* * *

Тусклый, пасмурный день. Свет спокойно разлит

На бессолнечном ровном просторе.

Вот тогда и горит, вот тогда и царит,

И владычно безмолвствует море.

Вот тогда оно в сердце мое продлено,

И уже не понять, где граница, -

Где кончается, где чуть вздыхает оно

И где сердце чуть начало биться.

* * *

И глади моря не нарушив,

Не потревожив ни листа,

Лот тишины мне мерит душу—

Насколько же она чиста.

Подстать ли этой глади водной,

Вот так же ли она тиха,

Вот так же ли сейчас свободна

От первородного греха...

* * *

Тихое море рассветною ранью—
Вот перед Богом мое оправданье:
Не перебила ни мыслью, ни словом
Глади недвижной простора морского.
И по воде, словно по суху, смог
К сердцу живому приблизиться Бог.

* * *

А тишина была чревата
Всей жизнью неба и земли
В часы великого заката,
Когда померк простор вдали.

Вот здесь, у самого залива,
Где волны больше не слышны,
Узнали мы, что вправду живы
Лишь в лоне этой тишины.

Что если тишину нарушить,
Прервать молчанье гор и вод,
То ангел вдруг уронит душу,
Которую сейчас несет...

* * *

А море—это смерть. И небо—это смерть.
Смерть смертного во мне. В посмертии так тихо!..
Нет тверди под ногой. Есть внутренняя твердь,
И этот вход вовнутрь—из глины в вечность
выход.

Над морем собрались седые облака,
И облачный узор по небу ангел чертит.
О, Боже мой, как жизнь бездонно глубока...
Но это может быть лишь только после смерти.

* * *

Запомнить сердцем навсегда.
Как неподвижна гор гряда.
Как шепчет широта морей
О вечной правоте Твоей.

Ты прав, мой Господи, и свят,
Вот отчего горит закат,
Вот отчего морская гладь
Велит так полно замолчать.

И не перечить... Боже мой,
Когда бы стать совсем немой,

Когда б смиреньем заpastись
Размером с эту гладь и высь...

* * *

Покой мою заполнил грудь,
И только легкое «чуть-чуть»,
Как чайки быстрое крыло,
Коснуться сердца вдруг могло.

Лишь только вздох совсем без слов,
Лишь только линия холмов,
Как неисповедимый путь,
Едва заметный нам-чуть-чуть...

Чуть слышный всплеск, чуть видный взмах,
Туман, осевший на холмах,
Да парус в широте морской
Как будто вводят нас в покой.

* * *

Покуда море—только море,
Покуда я есть только я,
Мы с вездесущим Богом спорим
И нету полнобытия.

Покуда есть еще граница,
Нас не коснулась благодать.
Но грудь моя вольна раскрыться
И море внутрь себя вобрать.

Кто ширь вселенскую измерит?
И кто хоть раз расслышать смог,
Как об него, как вал о берег,
И дни и ночи бьется Бог?..

* * *

Когда Ты говоришь, говорить невозможно.
Когда Ты говоришь, умолкают слова.
Лишь вода голубая с серебряной дрожью.
Да туман где-то в даях, заметный едва.

Когда Ты говоришь, наших слов и не надо —
Говорящий простор, говорящая тишь.
Бесконечность души, беспрепятственность
взгляда.
Я, как камень, нема, когда Ты говоришь.

* * *

Тумана легкая гряда...
Он был иль вовсе не был?

Но тихо таяла вода
И причащалась небу.

Бледнел сиреневый подсвет
Небесного чертога,
И человек сходил на нет
И причащался Богу...

* * *

Бог все сказал. Мне остается
Лишь только повторить за Ним
То, как волна о берег бьется
И в небо уплывает дым.

Разлив великого заката,
Растущий в небе световал...
Мне остается лишь впечатать
В себя все то, что Бог сказал.

* * *

Такая мера тишины!
Нет даже шепота волны.
Есть ровная морская гладь,
Нам повелевшая молчать.
Хрустальная неподвижность вод.

Мысль встала. Больше не течет,
Пересеченная святой
Непостижимой широтой,
Которая уводит глаз
За край миров—и внутрь нас...

* * *

От волн вечерних—ни следа.
Невозмутимая вода.
И только облака зажглись.
И час прошел. А может, жизнь?

О, Боже правый, сколько раз
Все это мог увидеть глаз?
И где кончается запас?
Ведь жизнь прошла. А может, час?

* * *

Опять оно... о, Боже, Боже,
Его не исчерпает глаз.
Оно всегда одно и то же
И каждый раз, как в первый раз,
Мы видим море. Святотатство
Разбить покой его широт.
Жить-значит заново рождаться

От Духа и вот этих вод.

* * *

Эдем. Покой парящих крыл.

Глубокий, неизменный.

Еще никто не возмутил

Создателя Вселенной.

Не молвил слова поперек.

Не нарушал запрета,

И в мире развернулся Бог

Великим морем света.

* * *

И вот последний луч потух,

И будто потеряв опору,

Вдруг стали призраками горы,

А истинным Владыкой—Дух.

В непостижимый этот миг

Он так таинственно велик,

Что все—лишь призрак перед Ним,

Вся плотность превратилась в дым.

* * *

Я включена в единый ритм
Вселенских стихнувших молитв.
Я включена в единый зов
Вдали рассыпанных миров.

В единый тыщеустый хор,
Собой заполнивший простор.
Я в этом мире не одна.
Я в сонм созвездий включена.

* * *

На гору поднимись. Молитву соверши.
Не разжимая губ, без жеста и без слова.
Есть зеркало воды и зеркало души,
И зеркало одно глядится внутрь другого
И больше ничего в огромном мире нет.
И в глубине зеркал сейчас рождается свет.

* * *

Всё так знакомо, так похоже,
И-всё сначала в миг любой,
И всё о том же, всё про то же
И день и ночь шумит прибой.

Журчанье пены, рокот вала
И эта цельность без частей...
Здесь не бывает, не бывало
И век не будет новостей.

Вселенский танец, волн кружение-
Кружись, душа, и, мысль, кружись...
Здесь нет ни смерти, ни рожденья-
Непрерываемая жизнь.

И миг за мигом, год за годом
Одна и та же песнь волны.
Так вот откуда все мы родом.
Так вот куда прийти должны...

II. Кто Ты такой?

* * *

Кто Ты такой? Откуда знает
Тебя душа?—Она сквозная.
Когда в душе простор и тишь,
То через душу Ты сквозишь.

Кто Ты такой, ответят глуби
Души моей; вот те, что любят
Так бесконечно, так бездонно,
Что все мои вопросы тонут.

Не спрашивать, а на колени
Упасть в немом благодареньи.
Войти в торжественный покой
И ощутить, кто Ты такой...

* * *

Есть жизнь молитвенная, или—
Жизнь суетная. Третьей нет.
Деревья день и ночь молились,
Встречая каждой жилкой свет.

Молились зимы, лета, весны,
И звезды в кроны их вплелись.
А люди путались в трех соснах,
Не ведая про выход ввысь.;

* * *

И снова дождь. А может, это
Протянутые провода
С того неведомого света
На эту землю, к нам, сюда?

Вот почему мы так стихаем,
Теряя счет часов и дней...
Стена раздвинулась глухая
И смутно видно, что за ней...

И сердце хочет на попятный,
В до-жизнь, к таинственному сну
И начинает путь обратный-
К истоку мира, в тишину...

* * *

Дождь. И голос одинокий.
Дождь. И пенье соловья.
Несмываемые строки
В вечной книге бытия.

Так нечаянно, мгновенно
В обступившей тишине
Льется жалоба Вселенной,
Обращенная ко мне.

Чье-то сердце просит чуда,
Иль зовет звезду звезда,
Или просто ниоткуда
Льется голос в никуда.

* * *

Листьев текучих ручьи.
Дождик мой редкий.
Сестры и братья мои—
Тихие ветки.

Все здесь лелеет меня,
Манит в объятья.
Сердца немая родня—
Сестры и братья.

Лес совершенен, как стих.
Все неслучайно.
Здесь не бывает чужих—
Вот его тайна.

Тихо проходят века
Мимо событий.
Тайна сия велика—
Только вместите.

* * *

И нет другого рая.
Простор и тишина.
Мне сердце измеряет

Высокая сосна.
Небесный купол серый
Да ива у ручья.
Вмещу—достигну меры.
А нет, и я—не я...

* * *

Дождь, прекратившийся внезапно.
Ольха, провисшая дугой...
Переговаривались капли
Одна с другой, одна с другой.

Мир, погрузившийся в дремоту.
Прохладно, тихо и светло.
И недосказанное что-то
Ко мне вплотную подошло.

Сплетались, связывались нити.
Тянулись к сердцу моему...
О, говорите, говорите...
Быть может, я еще пойму.

* * *

Лес-это иннок. Он-иной, инакий.
Свои законы у лесных деревьев.

Свои уму неведомые знаки,
Свой голос, свой таинственный напев.

Сосновый шорох, горький запах дыма
И тихий говор плещущих ветвей-
Напоминанье об ином, родимом,
Забытом мире-о душе своей.

Душа моя... Сейчас я слышу, знаю,
Что ты живешь не годы, а века.
Что ты-лишь гостя легкая, иная,
Пришедшая сюда издалека.

* * *

О, Господи, что это значит—
Поток исчезающих лет?
Жизнь—это такая задача,
В начале которой—ответ.

Но надобны времени горы,
Чтоб данное в руки—найти.
Жизнь есть ощущение простора
В стенах, в тесноте, взаперти.

Нечаянный сполох мгновенный,
Прорыв в мировой западне.

Жизнь есть ощущение Вселенной
В едва различимом зерне.

Ведущая в бездну дорога,
Где каждый шаг—торжество.
Жизнь—это предчувствие Бога
Незрячей личинкой Его.

* * *

Я—это ветка Твоя.
Я—это лепет ручья,
Миг в Твоей вечной судьбе,
Искра костра Твоего...
же сама по себе...
Что это? И для чего?

* * *

Тепло и тихо в деревянном доме.
Деревья затаились у окна,
с каждой минутой все весомей,
Таинственной и гуще тишина.

Как важно то, что в этот час вершится
В сгустившейся, набухшей тишине.
Безмерность входит в малую крупицу—
Спокойно размещается во мне.

Великий мир заходит в эти стены,
И суета остановила бег.
И каждая подробность здесь священна-
Среди потопа плавает ковчег.

* * *

Не надо ничего. Не бойся. Не надейся.
Восполненный покой. Мой дух невозмутим.
Бездействие мое, наполненное Действом,
Не видимым глазам Деянием Твоим.

Остановился мир. Остановилось время.
Не движется вода. Недвижим небосвод.
Бездействие земли, в которой зреет семя.
Бездействие ствола, в котором жизнь течет.

Ни капли бытия не протекает мимо.
Открытие души: мы вместе! Двое нас!
Сегодня Ты во мне. Я зрима. Ты—незримый.
Но я войду в Тебя и выбуду из глаз.

* * *

Костер задумчиво мерцал,
А лес был темный кинозал.

Он затаился и внимал.
И дума каждого ствола
Так незаметно перешла
В один немой горящий глаз,
Который жил во тьме за нас.
Росло спокойное тепло,
И что-то вдруг произошло—
Нагретой тишиной дыша,
Раскрылась медленно душа,
И запах счастья и добра
Смешался с запахом костра.

* * *

А дождь почти неслышный
И бесконечно долгий,
И нет ни мысли лишней:
Остановились, смолкли.

И что-то зреет в дымке
Шуршащей водной пыли.
Немые невидимки
Сейчас заговорили.

И может слышать каждый—
Их голос неотвязчив—
О чем-то самом важном,

Вовек не преходящем.

* * *

Больше нечего в жизни беречь нам.
Вот предел мой-вот здесь и теперь.
Сердце каждого-дверь в бесконечность.
Только кто распахнет эту дверь?

Дело музыки, Святости дело.
Боль растет... ни вскричать, ни вздохнуть...
В сердце-выход за наши пределы.
Вход в бессмертье лежит через грудь.

Кто его так мучительно сузил.
Этот тайный, единственный вход?
Грудь моя-туго стянутый узел,
Всех вселенских путей переплет.

Сквозь и через и-счастье полета,
Сквозь все стены и через между...
Боже сил. Боже истины, кто Ты?
Через смерть я к Тебе подхожу.

* * *

Отмелькали дни и лица-

Никого и ничего.
Погрузиться, провалиться
Внутрь сердца своего.

И измерить всю державу
Необъятную свою:
Начинаясь где-то в травах,
Я до неба достаю.

* * *

В сердце ночи, в ее океане
Тихо плещется света струя.
И выходят слова из молчанья,
Точно души из небытия.

Темнота все сгущенней, все глуше.
Отсвет углей упал на кору.
Обступили нас тихие души,
Подступили вплотную к костру.

Тихо вышли из бездны на берег,
Тихо сели вокруг, у огня.
Наконец-то нам тихие верят,
Не боятся тебя и меня.

Этих душ шелестящая стая,

Этот шепот, нам внятный едва...
И со звездами связь не теряя,
Одеваются плотью слова.

* * *

Луч умрет, и вместе с ним
Превратится сердце в дым,—
В сизый дым, в легчайший пух,
В устремленный к Богу дух.

Среди сосен ввечеру
Луч умрет и я умру,
И окажется, что смог
В этот миг родиться Бог.

* * *

Здесь просто-напросто видна
Моя граница.
Остановиться, как сосна,
Остановиться!

Срастись корнями и стволом
С небесной твердью
И подглядеть, что там потом
За нашей смертью.

Небес раскинутую гладь
Душой потрогать,
И-очи в очи увидеть
Живого Бога.

Но вот-каков же Он на вид?-
О том-ни слова.
Тот, кто увидел, замолчит.
Как ствол сосновый.

Тот, кто увидел, станет сам
Безмолвным стражем.
Он ничего не скажет нам,
Но лишь покажет...

* * *

Я приношу из зазеркалья
Благую весть:
Там, где все звуки отзвучали,
Тишайший есть.

Там, где все были, где все будут,—
Сомкнулся глаз.
Я приношу вам весть оттуда,
Где нету нас.

Где мир земной поставил точку,
Свет дня потух,
Раскрылось сердце, словно почка—
И хлынул Дух.

Так распахни Ему ладони
Рывком одним!
Не тень Он, не потусторонний—
Мы дышим Им.

О, Боже, глубина какая!
Как полон вдох!
Чем глубже и полней вдыхаю.
Тем ближе Бог.

* * *

Беззвучный вечер. Запах пряный.
Листвы свисающий узор.
И посреди лесной поляны
Священнодействует костер.

И незаметно, постепенно
Растет уверенность во мне.
Что центр раскинутой вселенной
Живет во вспыхнувшем огне.

Вся неизведанная сила,
Ее запас незримый весь-
Все то, что будет, все, что было,-
Сосредоточено вот здесь.

Колышутся, танцуют тени.
Растут и говорят в тиши.
И-лишь подкладывая поленья,
Люби, безмолвствуй и дыши.

* * *

Снова в мире бродит осень,
Вновь в груди-восторг и страх.
Снова Бог нам весть доносит
О неведомых мирах.

Вновь дрожит листва седая,
В темной зелени рябь,
Снова Дух освобождает
Место в мире для себя.

* * *

А за окошком—шум дождя.
И можно, медленно бредя
По лабиринту мысли, вдруг
Услышать бесконечный звук

Того, что даже в смерти есть-
Ту нескончаемую песнь
Невидимых, тот тайный лад
Тех, что всю видимость творят.
О, только слушай и гляди.
Все прожитое—вперед.
Все будущее вмещено
В едва заметное зерно,
Что падает сейчас с небес,—
И скоро разрастется в лес.

* * *

Дождь долгий. Ветки наклона.
Лес говорит: постой, ни шагу.
И натекает мир в меня,
Как в землю жаждущую влага.

Ветвей намокших колдовство
И аромат сырых иголок...
И путь до Бога моего
Бессрочно, бесконечно долог.

Тот неисповедимый путь,
Блаженный путь сквозь все границы...
Пока весь мир не внидет в грудь,
Он будет шириться и длиться...

* * *

Что мне известно о сосне?
То, что она вершит во мне.
Вот то, что я смогла вдохнуть
И глубоко запрятать в грудь.

Что я узнала о дожде?
Что он во всем, сквозь все, везде
И что никто не одинок,
Когда шумит его поток.

Никто, нигде и никогда,
Раз льется тихая вода,
Как нескончаемая весть
О том, что тайный выход есть.

Что ведаю о Боге я?
Что Им полна душа моя.
Что, точно дождь, со всех сторон,
Во все концы, повсюду—Он.

* * *

Не смерть, не разруха—
Гляди и внимли!

О, веянье Духа
Сквозь тяжесть земли!

О, таянье ткани
В лесу золотом:
Создатель созданий
Коснулся перстом...

* * *

Дождь собирается. Он рядом
Набух. Уже почти готов.
Сейчас зашелестит по саду
Вот-вот закапает с листов.

Но нет еще. И лишь пустоты
Сгущаются. Вот-вот... Сейчас...
Как будто иномирный кто-то
Застыл в раздумьи возле нас.

Совсем вблизи... О, как Он нужен!
И как Он хочет нам помочь!
Бог есть любовь. Но почему же
Он плачет в мире день и ночь?

* * *

Сегодня счастье улыбнулось мне-

Уйдя от слов неистовой погони,
Остаться с лесом всем наедине
Без никого, совсем без посторонних.

И было только шелестенье крыл,
Да переплеск густой листвы и хвои,
И лес тогда такое мне открыл!..
И лесу я открыла вдруг такое!..

Осенний свет спустился в мир с берез.
Осенний лист срывался с тонких веток
И хлынули из глаз потоки слез...
Ведь, слава Богу, посторонних нету...

* * *

Что остается после муки,
Как мироздание великой,
Когда уже умолкли звуки
И нет ни шепота, ни крика?

Что, в пустоте безмолвной медля,
Уходит внутрь, на дно колодца?
Что остается в час последний,
Когда надежд не остается?

Когда уже ничто на свете

Не выведет нас на дорогу?
Тот, кто на сей вопрос ответит,
Тот в самом деле знает Бога.

* * *

Быть может, первое, что встречу
В посмертьи,—так сдается мне—
Листвы таинственные речи
И шелест хвои в тишине.

Звучание родных мелодий,
Которые расслышу там,
Меня к земле моей проводят,
Как здесь уводят к небесам.

* * *

Костер горит. И больше мне
Сегодня ничего не надо.
Прислушиванье к тишине.
Звучанье мирового лада.

Костер горит. И знаю я,
Что рядом есть незримый кто-то,
Что в сердцевине бытия
Идет беззвучная работа.

С начала дней и до сих пор
Нет ни единого мгновенья,
Чтоб в свой неведомый костер
Он не подбрасывал поленья.

И догорают вечера,
И вновь огни на небосводе,
И дым от моего костра
К Его костру сейчас восходит.

* * *

Есть в мире я и Ничего —
Не плоть, не кровь, не вещество—
Но сердце только Им полно,
Не я живу. Живет Оно
Всегда. А я сама—пока
С Ним связь незримая крепка,
Пока из полной немоты
Могу сказать: не я, а Ты.

* * *

Печаль моя, седая осень,
Моя звенящая тоска!..
Как будто в сердце места просят

Давно прошедшие века.

И сердцу надо потесниться.

Вот почему средь темноты

Дрожат, как слезы на ресницах,

Позолоченные листья.

И тишина стоит такая,—

Что слышно, как вливается дым,

И лес беззвучный истекает

Дрожащим золотом своим...

* * *

Край жизни—это край сердца,

И если оно бескрайно,

То ты ощутишь бессмертье

Своею живою тайной.

А если подходит к краю,

Себя исчерпало сердце,

То нету за гробом рая

И жизнь есть пространство смерти.

* * *

Я знаю Бога точно так,

Как лес—свой затаенный мрак.
Как ветка ведаёт свой путь
И знает, как и где свернуть.

Я знаю Бога, как зерно —
Тот плод, которым рождено,
И так, как знает зрелый плод
Зерно, что в глубине несёт.

Я знаю Бога, как свою
Любовь, которую даю
И вновь вбираю грудью всей
От света, ветра и дождей.

И Боже мой, как мне смешны
Все знания со стороны.

* * *

Жизнь продолжается, когда
Уже от жизни-ни следа.
Не прерван тоненьким мотив.
Хоть нам почудился обрыв.

Жизнь длится так же, как и шла.
Хоть нету более крыла.

Всего, что было, больше нет
Но как спокойно дышит свет!

Как мир непредставимо тих...
Мы более себя самих!
Но мы не знали до сих пор,
Что этот золотой простор
Не даст нам в пустоту упасть.
Что исчезает только часть,
А целое всегда живет,
Как бесконечный небосвод.
И жизнь продолжится, когда
Уже от жизни ни следа.

* * *

Угасает день осенний.
Отдал все поблекший лес.
Остается лишь смиренье—
Самый высший дар небес.

Этот тусклый час дороже
Всех былых сверканий дня.
Ниспошли смиренья, Боже!
Утиши, Господь, меня...

* * *

Ты не оставил ни одной приметы.
Сверхъестества в сем мире—ни следа.
Но происходит рядом Действо Света
Сегодня точно так же, как всегда.

Я не прошу ни торжества, ни силы,
Ни года жизни лишнего, ни дня,
Мне надо только, чтоб происходило
Вот это действие в глубине меня.

* * *

Я в лесу имею право
Жить, как сосны и как травы,
Жить без всех людских забот.
Так, как Дерево живет.

Я в лесу имею силу
Жить, как дуб ширококрылый,
Разметав во все края
То, что прежде было «я».

Я-не я, но только кто же?

Ты один ответишь, Боже.
Тише трав и неба тише
Скажешь Ты, а я услышу...

* * *

Тусклый свет. Пространство немо.
Лист недвижим. Ветер стих.
Зреет жизнь. И зреет тема.
Зреет дух. И зреет стих.

Тишина вливается в душу,
Проливается за край,
Господи, не дай нарушить!
Помешать Тебе не дай!;

* * *

Как трудно мир сей ощутить
Своею собственною ношей,
Тем грузом, что на плечи брошен
Твои и не переложить
Его другим. Напрасны зовы
И жалки детские мечты,
Ведь в этом мире нет другого.
Куда ни глянешь— только ты.

.....
А Бог?

О, смертной чаши вкус!

Мой Бог и есть тот самый груз...

* * *

Есть стих,—в нем слов совсем немного,

Скупых, тяжелых, как гранит,—

Есть стих, который вместе с Богом

Миры творит.

Его порою слышат люди,

Когда среди мировых пустот

Звучит внезапное «Да будет!»,-

И тот, кто умер, восстает.

Я к вечным поискам готова.

Мой бедный стих, сто лет кружись,

Ища единственное Слово,

Необходимое, как жизнь.

* * *

Как неподвижен Мировдержец,

Хоть тяжесть мира все страшней.

Стоит гора. И значит стержень

Покоя есть в душе моей.

И вновь, как будто к водопою,
Сегодня так же, как вчера,
Иду к великому Покою,
Что собрала в себе гора.

III. Не оглядывайся, Орфей!

I

Как бы совсем утрачен вес,
Душа моя взлететь готова,
Преобразившись, точно лес
Под белым снеговым покровом.

Он так невероятно бел.
Мой лес в небесной легкой сетке,
Как будто ангел вдруг задел
Крылом склонившиеся ветки.

И вот стоит, едва дыша.
На целый век продлив мгновенье,
Моя нетленная душа

В своем белейшем облаченьи.

II

Душа нетленная моя

До прегрешенья, до изгнанья...

Мне о тебе напоминанье

Пришло из глубей бытия.

О той прозрачности небес

сотворенья, до начала...

Стоит замороженный лес

Под белоснежным покрывалом.

Стоит и на виду у всех

Раскрыл небесные селенья.

Стоит, перечеркнув мой грех,

Стоит, как весть о всепрощеньи.

III

В рай вернуться каждый может.

Век не кончен, день не прожит.

Надо только, чтобы белым

Снегом край лесной одело,

Чтоб узор стволов и веток

Стал бы кружевом из света.

Чтобы ангелы сплели

Кружевной покров земли,

И душа под тем покровом

Стала легкою и новой

И нечаянно нашла

Два потерянных крыла.

* * *

Не оглядывайся, Орфей!

Эвридика—в тебе самом.

Полногласье в душе твоей.

Песнь грядет, как весенний гром.

Не оглядывайся, певец!

Внутри песни своей войди.

Всем концам наступил конец,

Если песня растет в груди.

Если дух твой—сейчас и здесь,

Без оглядки и без краев,—

Бесконечность втекает в песнь

И рождается из нее.

* * *

Мир запасы растратил

Всех немереных сил,

Но по-прежнему дятел
Сук упрямо долбил.

Нет мгновения тише...
Мягко падает снег—
Только это б и слышать
Весь оставшийся век.

Все сохранно в природе.
Бог по-прежнему жив.
И до мертвых доходит
К воскресенью призыв.

* * *

Свет бил во все колокола.
И до того была светла
Земля, что невозможно было
Понять, что где-то есть могилы.

Свет так сияет, только если
Все мертвые уже воскресли.
Так, может быть, на самом деле
Мы воскресенье проглядели?

За всей своей земной тревогой
Опять мы проглядели Бога...

* * *

Деревья-столпники. Они
Стоят все ночи и все дни.
Тысячелетие подряд
Деревья Богу предстоят.

Я с вами, тихие мои,
В безмолвном полнобытии.
О, только бы ревущий вал
Меня от вас не оторвал!

И всё. Для сердца моего
Не нужно больше ничего.
Ток жизни входит в грудь мою,
А я-лишь Богу предстою.

* * *

Чем глубже внутрь, тем больше силы,
Чтобы подняться из могилы,
Преодолеть земной закон,
Рывком прорвавши цепь времен.

Чем глубже тишь, тем громче слава.
На всю Господнюю державу
Вдруг прогремят колокола

О том, что смерть уже прошла.

Но их лишь только тот расслышит,
Кто погрузился в море тиши,
В такую глубину, в такой провал.
Где сердцу сам Господь предстал.

* * *

Неслышный снег, деревья пороша,
На землю лег.
Вопросов нет. Есть только лишь Душа
И Бог.

Родимый лес стоит передо мной.
Тих. Сед.
Вопросов нет. Есть только лишь сплошной
Ответ.

Глубокий вздох. Поток беззвучных слез
Из глаз.
Не верь тому, кто задает вопрос
В сей час.

* * *

Снег идет. Тишина.
Тишиной полон дом.
Бог в проеме окна.

Бог идет за окном.

Бог склонен над тобой,

Точно ветка в снегу.

Бог в груди, как прибой

На морском берегу.

* * *

То, из чего я создана,-

Лесного запаха волна,

Разлив вселенской тишины,

Кончающийся у сосны.

И этот все связавший свет...

Поймите, в мире смерти нет,

Покуда есть в краю лесном

То, из чего мы встаем.

* * *

Тропинка ныряет туда,

Где нет никакого следа,

Ничей не впечатался шаг,

В подсвеченный золотом мрак.

Тропинка, куда ты бежишь?

В такую великую тишь,

В такую недвижную гладь,

Где нечего больше сказать.

И жизнь, точно омут без дна,
Склонившимся небом полна.

* * *

В самого себя дорога—
Это тайный путь до Бога
Через поле, через лес,
Прямо до седьмых небес.

Хорошо на вольной воле
В ясном небе, в чистом поле.
Свет указывает путь,
И с него нельзя свернуть.

* * *

Полнота тишины - это жизни итог,
Счет, подведенный точно и строго.
Лес недвижим и тих, чтобы действовал Бог.
Столько места оставлено Богу!

Этот полый простор... В небе нету сторон
И нигде не сверкает граница.
Чтоб дышал, чтоб глядел, чтоб присутствовал Он,
Нам отсутствию надо учиться.

* * *

И вдруг окажется весной.
Что все прошедшее-со мной.
Жизнь, точно полая вода,
Не утекает никуда,
А встала мира посреди
Здесь в переполненной груди.

* * *

Господи, только бы слышать.
Только бы ветер донес
То, что молчания тише.
То, что прозрачнее слез.

Только лишь сердцем порожним
Внутрь зачерпнуть и вместить
То, что назвать невозможно
И без чего не прожить.

* * *

В неподвижном пространстве лесном
Тишина раздавалась, как гром.

Тишина разливалась вокруг.
Нарастая, как внутренний звук,

Как пространства земного прорыв,
Как пасхальное: умерший-жив!

Есть свобода лишь только одна—
Все вместившей души тишина.

* * *

Миры иные входят в наш,
Как в купол неба горный кряж.

Они пересекают грудь
Так, что почти нельзя вздохнуть.

Они реальны, как обвал,
Что на пути моем предстал.

Но все же, сколько ни смотри.
Они-нигде, они внутри.

* * *

Деревья

Здесь нету посредников. Все-напрямую.
Ни лишнего жеста, ни жалобы всеу,
Ни лишних движений, ни мысли тревожной, -
Лишь то, без чего обойтись невозможно.

И нету ответов, хоть спросится строго,
И нет толмача между ними и Богом,
Меж ними и небом, меж ними и светом.
Меж ними и сердцем посредников нету.

* * *

Есть право на безмолвие. Есть право
На полную, как небо, тишину.
Святое право сосен величавых
И Бога, сотворившего сосну.

Есть Тот, который и во тьме нам светит.
Но Он не утирает наших слез.
О, дай мне право вовсе не ответить,
Иль миром вам ответить на вопрос.

* * *

Господи, как тихо.
Тишина Твоя —
Точно тайный выход
Из небытия.

Шорох старых листьев,
Веток разговор...

Точно Ты расчистил
Для себя простор,

Точно кладезь силы
Спрятан в глубине.
Я себя отмыла
До Тебя на дне.

* * *

Вот и встал мой затаенный,
Мой высокий, мой зеленый,
В потайных своих берлогах,
В темноте хранящей Бога.

Хвойный шорох, выкрик птичий
И спокойное величье
Над рекой тоски и плача—
Ибо знает, что он прячет.

* * *

Прийти в себя, прийти туда,
Где стынет тихая вода
И где никто и никогда
Еще не шел против Творца,
И жизнь не ведала конца.

* * *

И вновь я слышу хвойный шум,
И вновь впервые в жизни знаю
О том, что не вмешает ум,
Пред чем смолкает мысль земная.

Как будто ангел, свет струя.
Крылом размером с мирозданье
Смахнул все то, что знала я,
И внутрь вдохнул иное знание.

И в грудь раскрытую мою
Влетел сквозняк ширококрылый.
С каким блаженством отдаю
Все, что за жизнь душа скопила!

И болевой последний след
Истаивает в птичьем пенье.
Послушайте – меня ведь нет.
И – я есмь жизнь и воскресенье.

* * *

Душа—таинственная птица.
Которой никогда не спится.

Которая в ночи и днем

Горит неведомым огнем.

И ей не надо ничего
Помимо жара своего.

* * *

И я уйду в провал колодца—
В неведомость небытия.
Но там, внутри меня, очнется
Все, что за жизнь вдохнула я.

Не пропадет ни легкой тени,
Ничто не превратится в прах,
А будет длиться отраженьем
В недвижных чистых зеркалах.

Куда бы дух мой ни был послан,
Мой мир пойдет ему вослед.
И в бесконечность внидут сосны
И медленный закатный свет.

* * *

Есть мир среди мира. Стихнул шум.
Там, по ту сторону всех дум -
Потусторонний мир, эдем,
Не тайный, а раскрытый всем.

Там все такое же, как здесь,
Там все что было, то и есть,
Вся скорбь, все беды бытия,
Но в них не утопаю я.
Я существую нераздельно
С вселенской болью беспредельной,
И все же сердце не слиянно
С своею собственною раной.

* * *

Баю, маленький, баю...
Хочешь, силу дам свою?
Хочешь в сердце перелью
Света чистую струю?

Я отдам тебе покой
Неподвижности морской.
Разолью и подарю
Бесконечную зарю.

Но... пусть буду я нужна
Так же, как земле весна.
Я одна, лишь только я -
Вещая душа твоя...

* * *

I

Огромно небо. Человек так мал!
Между людьми—зияющий провал
Немого неба. И в другую грудь
Через все небо пролагают путь.

И нет короче и прямой пути.
Через все небо надо мне пройти,
Преодолеть зияющий провал,
Чтоб ближний мой и вправду близким стал.

II

Боже, как трудно идти по небу.
Тверди нет. Почвы нет.
Плачь, сколько хочешь, кричи и требуй —
Только молчанье тебе в ответ.

Боже, как трудно по бездорожью.
Нет следов. Сожжены мосты.
Есть только эта безмерность Божья.
Путь до Тебя—это тоже Ты.

III

Господи, они маленькие, им не пройти по небу.

Господи, они маленькие, им не вместить любви.

Господи, как накормить их вечности свежим

хлебом?

Как напитать их жизнью, бьющей в Твоей крови?

Господи, они бедные, Господи, им не надо

Ни Твоего сердца, ни Твоего взгляда,

Ни Твоего мира, ни Твоей мощи.

Им бы чего полегче, им бы чего попроще.

Им бы лишь научиться жить без Тебя на свете.

Господи, как быть с ними? Они ведь Твои дети...

* * *

Я сейчас в себя вдохну

Бесконечности волну,

Что пришла, чтобы смахнуть

Боль и тяжесть, сор и муть.

Свежий утренний мороз.

Нити тоненьких берез...

Я сейчас пойму опять.

Что могу лишь лепетать

О Тебе, что-ни словца

У творенья про Творца.

IV. Внутреннее время

* * *

Почти осенний ясный вечер
Крыла широкие простер.
Ни ветерка. Замолкли речи,
И чуть потрескивал костер.

И было непонятно, где я,—
Сосна и ель и дуб вокруг.
Но был сейчас всего важнее
Вот этот еле слышный звук

Трескучих вспыхнувших поленьев.
И где-то возле самых ног,
Между мгновеньем и мгновеньем.
Сквозь щели мира глянул Бог.

Он был тишизн последних тише.
Он был—на все мольбы ответ.
Он был вот тем, который дышит,
Когда дыханья больше нет.

* * *

В начале-музыка. Она была
Во глубине, в неведомом истоке,
Когда миры еще скрывала мгла
И Бог был бесконечно одиноким.

Но вот раздался самый первый звук
И вслед за этим звуком первозданным,
За шагом шаг, за кругом новый круг
Во тьме разлились волны океана.

Звук наполнился и рос. Ему в ответ
Сверкнули где-то первые пробелы
И раздалось тогда: Да будет Свет!
И Свет возник. Так музыка велела.

И родилась земля. И из земли,
Как сонмы стрел, вдруг пущенных из лука,
Деревья устремились, потекли
Навстречу Свету, по велению Звука.

И появилась в этом мире тварь.
И распрямясь, взглянувши небу в очи,
Вдруг поняла, что всемогущий царь
Опять зовет, опять чего-то хочет.

Чего же? О, как грудь была мала.
Но внутрь нее входили ширь и дали,

И вот из сердца музыка взошла
Та самая, что и была вначале.

Замкнулся круг. Но не было конца
И Бог един уже в бессчетных лицах.
Творец, родивший нового Творца,
Как небо в море в этот мир глядится

* * *

Открыв глаза, проснувшись утром рано
И подойдя к моей родной сосне,
Я выхожу на берег океана
И омываюсь в мировой волне.

Передо мною—вековые ели
Да ветки лип, укутанных в туман,
Но в них валы вселенские запели
И загудел всемирный океан.

И что такое верить иль не верить?
Со мною зренье, обонянье, слух.
Я выхожу на океанский берег
И внутрь вдыхаю океанский дух.

О трепет волн в листочке самом малом!
Что он сегодня сделает со мной?
Обдаст ли вдруг своим гигантским шквалом

Иль наградит вселенской тишиной?

И вот коснутся плеч твои ладони,

Приблизятся глаза твои и рот.

И сердце в сердце медленно потонет

И океан по жилам потечет.

* * *

Серый день. Тихий дом.

Мелкий дождь за окном.

Лес вплывает в окно постепенно.

Нарастает покой,

В день ненастный такой

Дом становится центром вселенной.

Ветка бьется в стекло.

Но созрело тепло.

Точно плод. Тяжела сердцевина.

Унимается дрожь.

И тогда узнаешь,

Сколько весят немые глубины

* * *

Есть время тайное. Запас

Его вовек не счесть.
Оно соединяет нас
Со всем, что в мире есть.

Пересекает все года,
Изломы всех кривизн
И не уводит никуда,
А возвращает в жизнь.

О, мой оставленный Господь,
Мне все возвращено.
Я не отрезанный ломоть,
Мы вновь с Тобой—одно.

И не потеряно ни дня.
Открылся новый счет.
Все время—здесь, внутри меня,
И снова в жизнь течет.

* * *

Ни-че-го... Погоди немного,
Приближается торжество.
Перед самым свиданьем с Богом
Будет полное ни-че-го.

Все оставит тебя, все сгинет,
Превратятся алмазы в сор.

До чего широка пустыня!
До чего же велик простор!

Ах, какое большое поле!
Ах, какой небосвод большой!
Ничего не осталось боле
Между Ним и моей душой.

Ни-че-го. Лишь течет лавиной
Из небесной лозы вино.
До чего же вокруг пустынно!
До чего же внутри полно!

* * *

Как ароматно, звонко, густо,
Как дышится в лесной глуши!
Жизнь есть проснувшееся чувство
Бездонности своей души.

То всеохватное молчанье,
Когда весь мир в себе несущу,
Когда внутри-как в океане
Или в неведомом лесу.

* * *

Костра чуть слышное дрожанье
И ответ, легший на сосну

Акомпанируют молчанью
И продлевают тишину.

И от нее ложатся тени.
Мир исчезает. Что же, пусть.
Лишь только в миг исчезновенья
Я всемогущей становлюсь.

* * *

Когда дышать на свете нечем,
Почти сомкнулось дней кольцо,
Мне открывает бесконечность
Свое безмолвное лицо.

И долго волны океана
Иль дождь, шуршащий по листку,
Мои зализывают раны.
Как мать незрячему щенку.

А над костром колечки дыма...
Благоуханная струя...
На что мне вся неисчислимость?
На что нужна всей бездне я?

И как ни множь на числа числа,
Есть точный и простой ответ:

В ней без меня не будет смысла,
А без нее мне жизни нет.

* * *

Когда дрожит на солнце капля,
Мир раскрывается до дна.
Непостижимо и внезапно
Душа навывлет пронзена.

И уместившись в грань алмаза,
Зажглись мгновенно все солнца,
Великим хором вмиг и сразу
Восславив своего Творца.

О, закипевший вал оваций!
Ему сейчас предела нет.
И сердце может разорваться
И превратиться в чистый свет.

* * *

Мне бы только покоя... Мне бы
Долго-долго, перстом не двинув...
Я сейчас достаю до неба
Чуть дрожащей в луче вершиной.

Где начало мое, где край мне?

Все едино в пространстве горнем.

Я сейчас достаю до тайны

Узловатым древесным корнем.

Как петляет моя дорога!

Мысль бесплодная, не усердствуй!

Я сейчас достаю до Бога

Безраздельным, бездонным сердцем...

* * *

Прислушайся... Здесь в царстве мук

И смерти—рядом с нами—

Поэзия за кругом круг,

Неслышными шагами,

Невозмутима и легка,

В прозрачном хороводе

Через события и века

По воздуху проходит.

И ничего, что рядом мрак,

Что ты навывлет ранен...

Услышать бы воздушный шаг,

Легчайшее дыханье...

И проследить, как сквозь слова—

Из дыма и из тени—

Плетутся тайно кружева,
Не знающие тленья.

Непостижима благодать!
Не камень и не глина,—
Надежной твердью может стать
Сквозная паутина.

* * *

Я не приду на скорбный зов,
Не встану у дверей.
Я буду слушать шум лесов
Да долгий гул морей.

Мне ничего уже не жаль,
Не возвращу ни дня.
И только прорастает даль
Во глубине меня.

Я не отвечу на слова,
Не попаду к ним в сеть.
Чтобы душа была жива,
Мне надо умереть.

Остановилась круговерть,
И нарастает высь.

Но только если это смерть,
То что такое жизнь?

* * *

А рядом—лес. Здесь, у террасы,
У полукруглого окна —
Бездонность замершего часа,
Недвижной мысли глубина.

Незыблемость миропорядка—
Зеркальность. И в тени ветвей
Живет такая же загадка.
Как и внутри души моей.

Все та же тьма слоистой глуби
И тайных линий переплет.
Кто разгадает, тот полюбит,
А кто полюбит, тот войдет...

* * *

Дело мое—этот рост неизменный.
Дело мое —становленье Вселенной.
Дело мое-нисхождение снега,
Дело мое—бесконечная нега

В мартовском солнце сияющих веток.
Дело мое—созидание света,—
Пальцы лучей, во всю даль распростертых.
Дело мое— воскрешение мертвых.
Мир наш безрадостный, мир неумелый,
Не отвлекай мою душу от Дела.

* * *

В ответ на вечную тоску
Я незаметно, постепенно
По ветке, облаку, листку
Воссоздаю Творца Вселенной.

Я жажду, чтобы был открыт
Тот смысл, что будет вновь неведом.
Я-кропотливый следопыт,
Идущий по святому следу.

За мигом миг, за шагом шаг
Я узнаю, как мир наш собран.
Ощупывая тайный мрак
И находя бессмертный образ.

Я связываю с нитью нить,
Узор невидимый означив.
Мне надо Бога воскресить.
И нет душе другой задачи.

* * *

Унылый день все краски мира тушит.
Но мягкой заботливой рукой
Он медленно укутывает душу,
Как в одеяло, в серый свой покой.

И кажется, что наклонился кто-то,
Кому до слез меня сегодня жаль...
Благодарю за тайную заботу.
Благодарю за светлую печаль...

* * *

Сто тысяч форм без одного повтора,
Сто тысяч лет и—только родилась.
Поэзия есть связь со всем простором,
С незримым миром трепетная связь.

Соотнесенность звука, знака, жеста
С тем самым Духом, что сей мир воздвиг,
И нахождение собственного места,
Всегда иного в каждый новый миг.

* * *

И продолжается благая весть.
В Господнем мире вестников так много!
А, может быть, поэзия и есть
Провиденье невидимого Бога.

И то, что так блаженно совершил
Перед Пречистой Девой в оны лета
Сверкающий архангел Гавриил,
Отныне дело каждого поэта.

* * *

Поселок под крутой скалой.
Почти что точка—дом жилой.
И рядом-нежилой простор
Небес и вознесенных гор.
И это-истинный масштаб Души.
Ты-ноль. Ты мал и слаб
Перед великой Пустотой.
Но кто обвел ее чертой?
И кто от тела отделил
Весь разворот могучих крыл?

* * *

Как река течет в просторе,
По извилам, по излогам,—

Как река втекает в море,
Так душа втекает в Бога.

Что такое быть счастливым?

Это значит ночь и день я-
По излогам, по извивам—
В нескончаемом теченьи.

Боже, медленность какая!
Все и всё сейчас со мною.
Всё, что есть, в меня втекает,
Ну, а я плыву в иное:

В не охваченное глазом,
В не имеющее края,
Не вмещаемое в разум,-
Но Оно меня вмещает!

* * *

l

Вот что такое тишина:
Душа в простор погружена.
Душа восстала во весь рост,
И все миры, все сонмы звезд
Сейчас вместились в ней одной,
И это стало тишиной.

II

Вот что такое первый грех:
Дух больше не один на всех.
Мир раскололся на куски
И заметался от тоски.
Мы более не зеркала,
Где так таинственно цела
Вся жизнь, и отразиться смог
Всецелый свет—единый Бог.
Не вечность мы, а полчаса.
И вот упали небеса
И ждут того, кто их опять
Сумеет на плечи поднять.

* * *

Я тороплюсь. Наверно, легче
Леса рубить, чем поспевать
За всем, что ангелы нашепчут,
За всем, что Бог решил сказать.

Наверно, проще пни ворочать,
Чем быть у Бога толмачом.
Ну да, я только переводчик.
Не я творю, я не при чем.

Я не владею ни единым

Движеньем. На века вперед
Раба немая Господина,
Который душу мне дает.

Да, я раба Твоя, не боле.
Но выбившись вконец из сил,
Я одного боюсь: на волю
Чтоб Ты меня не отпустил.;

* * *

Здесь тайна есть, но тайну эту
Постиг открывший клюв птенец.
О, знание птиц, стволов и веток!
О, тайноведенье сердец!

Чащоба темная лесная
И внутрь нее входящий свет...
Здесь те, кто в самом деле знают.
Здесь ни одной придумки нет.

Нет истин, навсегда готовых,
И как стрела прямых дорог.
Но каждый листик—это Слово,
А Слово в самом деле—Бог.

* * *

Закат, как весть о всей вселенной,—

Огромный, как миры, закат.

К нам приближался постепенно

Из дальней дали Божий взгляд.

О, эта медленность движенья,

Неслыханное торжество-

Владыки мира приближенье

Сюда, внутрь сердца моего.

* * *

Жизнь-это связь. Мы породнились

Еще в домирной глубине.

И так, как кровь течет по жиле,

Всемирный дух течет по мне.

И на невидимой скрижали

Есть запись на века вперед:

Пока текут по сердцу дали,

В нем каждый умерший живет.

* * *

Когда зовет меня мой Бог,

Все стены сметены,

И в мир земной пробиться смог
Призыв из глубины.

И бесполезен всякий спор,
Все доводы—зазя,
Когда мой внутренний простор
Распахнут, как моря.

* * *

Ровно столько есть сил, сколько ты намолчишь.
Сила духа есть мера молчанья.
Ах, какая сегодня великая тишь!
Как бескраен покой мирозданья!

Может быть, хватит сил смерть саму побороть,
Усмирить завывающий ветер.
Если только смогу (помоги мне. Господь)
Не вскричать, не взглянуть, не ответить.

* * *

Когда я не замечу боли,
Когда я смерти не замечу,
Померкнут все земные роли,
Умолкнут все земные речи.

Когда мне будет не до хлеба,
Когда-ни холода, ни зноя.

Тогда услышу голос неба.
Мой Бог заговорит со мною.

Гуденьем низкого органа
Заговорит со мной Предвечный.
И станет вдруг сквозная рана
Открытым входом в бесконечность.

* * *

Дождь крадется осторожно.
Шаг и нет, и вот опять.
Может быть, и впрямь возможно
Этот мир околдовать?

Чары прежние разрушив,
Усыпить земной закон
И проникнуть прямо в душу,
Прямо в мысли, прямо в сон?

Может, есть и вправду выход?
Лишь впусти его и вот...
Дождь крадется тихо-тихо,
Дождь на цыпочках идет.

Обнимает жизнь лесная,
Запах сосен, плеск ракушек.

Мелкий дождик что-то знает,
Тихий дождик ворожит.

Звук капли... по минутке
Над заботой, над тоской...
Дождик добрый, дождик чуткий,
Дождь, несущий мне покой...

* * *

Сколько весит Бог? Нисколько.
И ни мало и ни много
До тех пор, покуда сердце
Не притягивает Бога.

Но как только Боль земная
Всею тьмой своей, всей гущей
Воззовет к Нему—узнаешь,
Сколько весит Всемогущий.

* * *

Лес подернулся слезами.
Долго-долго плакал лес.
Тихий ангел—рядом с нами.
Шелест крыльев, плеск небес...

Словно бусы, ангел нижет

Слезы всех прошедших дней.

Может, слезы Богу ближе,

Может, грусть ему родней,

Чем шумливое веселье?

Он ведь к плачущим пришел.

Тихий дождь шуршит над елью.

Тихо плачет черный ствол...

* * *

А правда есть поэзия. Она

Одна вещает в мире и глаголет

О том, что вовсе не имеет дна,

О том, что больше бесконечной боли.

Есть тайна, непостижная уму,

Разлившаяся в воздухе весеннем.

Наш Бог-поэт, и только потому

Он знает истину о воскресенье.

Поэзия выносит груз креста,

Подводит нас к последнему порогу.

Она совсем не сон и не мечта,

А труд души—произрастанье Бога.

* * *

Вечер, грезящий далью морской,
Ветер дышит в ветвях тяжело.
Но в груди накопился покой,
Точно в углях последних тепло.

Догорел ясноглазый огонь,
В аромате сосновом шурша,
Но мерцающих углей не тронь:
В них сейчас приютилась Душа.

* * *

Ведь все уже свершилось. Все уже
Записано в старинной мудрой сказке,
А мы читаем. Мы на рубеже
Давно известной автору развязки.

Да, все свершилось. Радость и страданье
Заключены в божественной груди.
Вот почему возможны все гаданья—
Ведь все, что ожидает впереди,

Уже сегодня есть. Покой березы
Лишь потому так полон и велик,
Что где-то пересчитаны все слезы
И собран каждый промелькнувший миг.

* * *

Тебя в земной природе нет.

Ты не даешь душе ответ

На бездну мук и море слез.

Ты существуешь, как вопрос,

Который, словно грозный вал,

Всю душу поднял и собрал.

Ты—ветер. Ты—внезапный вихрь,

Вдруг разбудивший всех живых

И обративший внутрь, к истоку.

Не видимому земному оку.

Ты—смерть. И путь мгновенный тот,

Что к вечной жизни нас ведет.

* * *

И

О, не вините в наших стонах

Творца миров. Безвинен Он.

Он не творил земных законов.

Он сам есть противозакон.

Он тот, кто в нашем урагане

Хранит спокойствие небес, -

Всей боли противостоянье,

Всей тяжести противовес.

Он наполняет наши души
И смысл вдыхает в естество.
Он нас не лепит и не рушит,
Он есть. Вот только и всего.

И размывает все границы,
Вторгаясь в нас, Его прибой.
Он есть. И потому творится
Вселенная сама собой.

Творится каждое мгновенье
Земля и небо вновь и вновь.
Бог-беспреданность воскресенья,
Неопалимая любовь.

Противо-лед, противо-камень
И всем концам моим конец,
Мое негаснущее пламя,
Бессмертный, внутренний Творец.

* * *

Возвратиться к Творцу, возвратиться туда,
Где из проблесков первых родится звезда.
Возвратиться в тот пласт, в тот пылающий слой,
Что вовеки не будет засыпан золой,
Что под глыбой всех льдов и под грузом всех плит

Сквозь все ночи горит, сквозь все смерти горит.
Вперерез, вперехват, напролом, вопреки
Всем законам земным, всем разливам тоски.
Против немощи наших погасших сердец,
Против всех «не могу»-всемогущий Творец.
Этот огненный столп, этот внутренний вал
Достигает того, кто всем сердцем воззвал.
Есть на жаркий призыв молньеносный ответ:
В глубине глубины загоревшийся свет.

* * *

Как струны тайных арф, дождь ветки леса трогал
И робко замолкал над дрогнувшей струной.
А белые цветы хотели славить Бога
Без голоса и слов—одною белизной.

О, эта белизна и запах разнотравий,
Погасшего костра голубоватый дым...
Дай, Господи, и мне суметь Тебя прославить
Наполненным Тобой молчанием моим.

* * *

Как трудно божественной силе!
О, Боже, опять и опять
Мы, люди. Тебя победили.

Тебе ведь нельзя побеждать.

Твоих победителей много,

А Ты-одинокий изгой.

И все победители Бога

Спешат Его сделать слугой.

Но только служить Ты не станешь,

А сбросив свой зримый покров.

Ответишь великим молчаньем

На наш несмолкающий зов.

V. Нemoць моя-всeмoгущeствo Бoжьe

* * *

Пoэзия...Oна и eсть

Та самя Благая вeсть,

Та вeсть o Блaгe, вeсть o Бoгe,

Кoтoрaя слышнa нeмнoгим.

Oна и eсть тoт сaмый Дух,

Кoтoрым этoт мир нaбух,

Как пoчка вeшняя... Вoт-вoт

Прoглянeт нoвый нeбoсвoд,

Как лист из почки. Здесь, теперь,-
Лишь только до конца поверь
Поэзии, а не глазам
Своим, так часто лгущим нам.

* * *

Чем лес теснее, тем свободней
Для всех безвестных пилигримов.
Деревья есть пути Господни,
Вот те, что неисповедимы.

О, разрастание простора,
Стирающего наше имя!
Бог—это лабиринт, в котором
Блуждать и значит быть живыми.

* * *

Не то нам важно, что на сцене,-
Не ряд мгновенных изменений,
А то, что есть за сценой,-там,
Откуда все диктует нам
Наш режиссер. И я тогда лишь
Жива, когда смотрю в те дали,
В те животворные просторы.
Где слышен голос Режиссера,
Стоящего на вечной тверди.

Нет, Он совсем не милосерден!
Он страшен, как сама гроза.
Он не осушит нам глаза
И не избавит нас от боли.
Но если мы сыграем роли
Свои, то Он предстанет нам,
И мы тогда очнемся там,
Где боли не было и нет,
Где дух горит, как самоцвет, —
И нам самим простор Вселенной
Открыт, как мировая сцена.

* * *

Из ничего, из сна, из пены...
Однажды я сама узнала,
Что вышел весь простор Вселенной
Из точки бесконечно малой.

О, Господи, с какою силой,
Увидев тайное воочью,
Я так внезапно ощутила
В середине сердца эту точку!

* * *

Изобилье! Изобилье!
Это—ангельские крылья—

Новорожденная корона,
Белоснежные цветы...

О, как много их сегодня!
Всюду ангелы Господни,
Всюду—воинство святое
Победившей красоты.

Лес зеленый в белой пене-
Это новое сражение,
Ежегодная победа,
Сил, творящих торжество.

Я даю Тебе присягу:
От Тебя—уже ни шагу,
День и ночь идти по следу
В войске Бога моего.

* * *

А мне не надо зрелищ. Надо мне
Твоей бездонности, Твоей пустыни,
Тонуть в Твоей прозрачной вышине,
Захлебываться в гущине и сини.

Не развлечения, а бытия,
Всецелости, а не отдельной части,
Мой Господин незримый, жажду я-

Не зрелища, а только лишь причастья.

* * *

Что есть духовная работа?

Немереные километры,

Безостановочность полета

Противу ветра.

Что значит труд молитвы строгой,

той, что держит мирозданье?

Упорство прославления Бога

В часы смертельного страдания.

В часы невидимого боя,

Когда весь ход вещей нарушен,

Мое упорство быть с Тобою,

Когда Ты оставляешь душу...

* * *

Как тихо листья шелестят,

Шуршит и глохнет дождик редкий...

Поэзия есть тайный лад

Души с изогнутою веткой,

С дождем, не знающим конца...

- Душа в дожде, как шмель в сирени,

Согласование Творца

С малейшим из своих творении.

Тебя везде зовут и ждут.

Твой голос всей листвой повторен-

Непостигаемый уют

В открытом всем ветрам просторе.

* * *

Тот давно знакомый звук—

Легких капель перестук,

Словно мокрая листва

Шепчет сердцу, что жива

И проста и хороша

Та забытая душа,

Что как тихая вода

Не на время-навсегда.

Навсегда, хотя она,

Как дождливый день, бедна,

Как шуршащий дождь, нища.

Нет ни краешка плаща,-

Покрова над головой,—

Только этот дух живой,

Шелест слез, да в горле ком-

Память давняя... о ком?

* * *

Царство намокших, свисающих веток,
Тусклое царство зеленого цвета...
Дождик все медленней, капли все тише...
Немощь моя, сквозь которую слышу
Вас и себя самоё. Наконец-то
В сердце вернулось бессильное детство.
Раз истощилась вся сила земная.
Немощь моя, сквозь которую-знаю.
Господи, что? Да вот то же, что дождик:
Немощь моя-всемогущество Божье.

* * *

Взглянуть в окно, чтобы узнать.
Что это значит-благодать,
Что это значит-Божий лик,
Который, как весь мир, велик.

Взглянуть в открытое окно,
Чтобы узнать, что так давно
Узнали ангелы в раю,
Стучащиеся в грудь мою.

В окно высокое взглянуть,

Чтобы узнать немую суть
Всего, что было и что есть
И что зовут—благая весть.

От нас и надо лишь одно:
Всего-то лишь взглянуть в окно.

* * *

Протянут в небе долгий след
Заката. Звуки дня все глуше.
Готовящийся к смерти свет
В жизнь вечную уводит душу.

Она так близко... рядом... в нас...
Вот только затаись, помедли,
Побудь со светом в смертный час
Его, в тот тихий, в тот последний...

* * *

Что я знаю? Что умею?
Мне бы быть еще слабее.
Раздарить свои богатства,
Больше не сопротивляться,

Быть лесных стволов покорней,

Погрузить бы в Бога корни,
И остаться молчаливой,
Без зазора, без отрыва...

Дождик каплет, ветка гнется,
Звезды плещутся в колодце...
Есть ли я иль вовсе нету,-
Уступила место свету?..

* * *

От сердца к сердцу... Только так
Нам слышен Бог-и не иначе –
Лесной дрожащий полумрак,
Береза никнущая плачет,

Ветвями легкими шурша,
Как будто снова-дней начало
И обнаженная Душа
Другую Душу повстречала...

* * *

Там Духу не было помех,
И разливался Он во всех-
Деревьях, облаках и в нас,
От них не отрывавших глаз.

И расправлялся Дух и рос,

И Он перерастал вопрос,
Который был еще вчера
Для нас громаден, как гора.

Еще лишь только час назад
Нас обступал кромешный ад,
Но ничего не стало вдруг,
Когда, как море, вырос Дух.

* * *

И снова дождь. И снова милость
Господня сердцу моему.
Как будто жизнь остановилась-
Мои усилия ни к чему.

Нельзя переступить порога,
И остается лишь одна
Беззвучная работа Бога,
Что сердцу сделалась слышна.;

* * *

Не быть... не действовать... уснуть.
Да так, чтоб мир вошел мне в грудь.
По окончании времен
Весь мир войдет в мой чуткий сон.

И точно дерево в зерне,

Пребудет свернутым во мне.

Как тихо! Господи, прости!

Дай мир взлелеять и спасти,

Дай мне покоиться, пока,

Как зелень первого ростка,

Не встанет свет из темноты...

Вселенная, откуда ты?!

* * *

Такая тишь предстала нам!—

Безмолствуй и внемли.

Здесь слышно то, что где-то там

В другом конце земли,

В другом пространстве бытия...

Меж нами—ничего.

И слушаю сегодня я

Звук сердца твоего.

* * *

Перерыв непрерывности. Прочерк. Провал.

И-разлет двух недвижимых крыл.

Дух есть там, где покой. Дух есть там,

где Он встал.

Там, где солнце Он остановил.

Там, откуда идет повеленье горам,
Там, где жар преисподней потух.
Только там и воздвигнется истинный храм-
То гнездо, где безмолвствует Дух.

* * *

Весь день поток шуршащий слушать
Без слов, без мыслей и без сил.
Немолчный дождь живую душу
С растущим деревом роднил.

Как дерево-весь долгий день я.
полнился собой самим,
И было каждое мгновенье
Неисчерпаемо живым.

Переполняясь, сердце плачет,
И струй стекающих не счесть.
Ведь быть самим собою значит
Быть всем, что в этом мире есть.

* * *

l

Лес задумался. Долгая дума.
Ель вливается в пространство окна.

Дождь шумит, и от этого шума
Вырастает во мне тишина.

Больше нету словесного сора,
Отмелькали тревожные сны.
Дождь шумит, охраняя просторы
Бесконечной, как жизнь, тишины.

Что мелькает сквозь клочья тумана?
Что забрезжило передо мной?
Дождь приводит меня к океану
Жизни внутренней, жизни иной...

II

Иная жизнь—она ведь рядом.
Не надо, чтоб кончались дни.
Вперед заглядывать не надо.
Ты только внутрь загляни.

Склонилось небо низко-низко.
Дождь плачет, ветки теребя.
Иная жизнь от нас так близко—
Ведь мы на берегу себя...

* * *

Лесная глушь. Лишь лес и только.
Дриады не прятали кусты.
Моя Действительность, насколько
Ты превосходишь все мечты!

Ты-плоть и кровь, не сны и тени.
«Сейчас» и «здесь», не «впредь» и «там».
Ты грандиозней всех сравнений.
Нужней всего, что снится нам.

Торжественное мирозданье-
Пред сердцем замершим моим.
Мы платим за тебя страданьем...
Что ж, за ценой не постоим.

* * *

Как говорит со мною Бог? Так тихо.
Как старый ствол, как облетевший сад,
С которого сорвал осенний вихрь
Все, что имел он, все, чем был богат.

Как говорит со мною Бог? Так долго.
Что я за жизнь сумею различить
Одно лишь Слово, что еще не смолкло,
Когда порвалась жизненная нить.

То, длящееся у меня на тризне,
В мой самый высший, в мой беззвучный
Одно лишь слово, что длиннее жизни
И слог за слогом в вечность вводит нас.

* * *

Бог с Иовом заговорил,
И замолчало мирозданье.
Куда девается страданье.
Когда вблизи источник сил?

Бог перед Иовом предстал,
И вот ушла земная мука.
Не раздалось в ответ ни звука.
Когда гремел девятый вал

Голосовой. Звучало Слово,
И это был сам Иегова.
И смерть прошла. Богоявление
Само есть жизнь и воскресенье.

* * *

День так горел, день так сиял.
Как будто это интервал
Между мирами; будто это

Живой первоисточник света.
Миров бесчисленных оснований.
И нам сейчас не до страдания
И даже не до смерти—нет
Нас самих, есть только свет.
Раскрытый настежь Божий глаз...
Ему, конечно, не до нас.
Но нам-то только до Него.
И это наше торжество.

* * *

С незаживающей раной
Я родилась в наш мир земной-
С моей тоской по океану.
Который был когда-то мной

В неподвижности глубокой ночи,
В той совершенной тишине.
Как он шумит, как он рокочет
И как безмолвствует во мне!..

Я узнаю Его, я знаю
Тот голос внутренних морей.
Поэзия-тоска по раю,
По собственной душе своей.

* * *

Пусть льется тихая вода
листьев решето.
Пусть кто-то говорит, когда
Не слушает никто.

Пусть говорит потомкам вслух
Иль предкам,-все равно.
И крепнет одинокий дух,
Как старое вино.

Чей это тихий разговор
Дойти до сердца смог?
Кто это-дождь или костер?
А может быть, сам Бог?..

* * *

Миры меж мной и Богом были,
Но света меткая стрела.
Мне грудь пробившая навывлет,
Меня мгновенно привела К Нему.
Тянулись дни в тумане,
Но вспыхнувший внезапно свет
Вдруг уничтожил расстоянье.
Меж нами разделенья нет.

* * *

Молитва-это тихий час
Совсем без посторонних глаз,
Без отвлеченья от глубин,
Где ты один, как Бог один.

И без воображенья.
Чист Час этот, точно белый лист
Бумаги. Все, что есть «не я»,
Здесь стерто. Чаша бытия

Непролита. И эту тишь
И первозданность ты хранишь
И возвращаешься назад—
В ту тайну, из которой взят.

* * *

Замирает звук вдали,
В тыще милей от земли.
Уплывает в небосвод
Еле видный самолет.

И такая тишина,
Что душа моя слышна
В бесконечной вышине-

Точно так же, как во мне.

* * *

Все заботы, планы, думы
Отгорают, как закат.
Больше нет дневного шума,
В бесконечность входит взгляд.

Мир укутывают тени,
Тишиной душа полна.
И восходит откровенье.
Точно полная Луна.

* * *

Костер говорил еле слышно.
Чуть слышно шуршала кора.
Здесь тихо. Здесь не было лишних.
Мы слушали голос костра.

И глубь открывалась такая.
Так ласков был вьющийся дым,
Что мир, совершенно смолкая,
Наполнил нас смыслом своим.

* * *

Нас не должна застать врасплох
Та тишь, которой имя Бог.
Вот та, что копится сейчас
По капле в сердцевине нас.

Вся жизнь с начала до итога
Есть труд по накопленью Бога.

Когда ж душа полным полна,
В нас гроыхает тишина,
Как воли творческой прибор,—
И мир рождается сам собой.

* * *

Безлюдье. Чистота простора.
Нет ветра. Речи не слышны.
Огонь костра, как малый сторож
Необозримой тишины.

Той, что как рокот колокольный
Растет и ширится во мне,
Той тишины, где Богу-вольно,
Как птице в полной вышине.

* * *

А горы!.. Снящиеся горы,

Пересекающие даль, -
Господня почва и опора,
Божественная вертикаль.

Я вспоминаю гладь морскую,
Луча сверкнувшего стрелу,
И по горам моим тоскую
Так, как тоскуют по крылу.

* * *

Живу я истиной одною,
Живу, одну лишь мысль храня:
Нет Господина надо мною.
Есть Господин внутри меня.

Есть глубина во мне такая,
Пред коей мелки все моря.
И это перед ней, смолкая,
Разлилась по небу заря.

И звезды, звезды заблестали
И заглянули внутрь, на дно.
Меж Ним и мной—такие дали,
И все же—Он и я—одно!

И я гляжу с неммым вниманьем,
Туда, в далекий звездный глаз,

Уничтожая расстоянье

И останавливая час.

* * *

Когда затихаешь без срока,
Как ствол вековой и как корни,
То чувствуешь вдруг, как далеко
Душа у тебя распростерлась.

Какая в ней собрана сила...
И что ей грозящие шквалы?
Все небо собой охватила-
И здесь у костра задремала...

* * *

Наедине с великим морем.
Наедине с самим собой
Тяжелым мерным волнам вторит
Беззвучный внутренний прибой.

Безостановочное пенье,
Вселенский тыщеустый гимн.
Великое переполненье
Всем миром и собой самим.;

* * *

I

Снег идет в моем окошке,
Тихо-тихо снег идет.
Это было в веке прошлом.
Это было в прошлый год.

Только что с того? Все ново.
Прямо на глазах у нас
С неба сходит стих готовый
И поется в первый раз.

Он родился с нами рядом.
Ритм неспешен, голос тих...
Сердцу только лишь и надо
Повторить готовый стих...

II

Я ничего не творю от себя,
Я повторяю.
Хлопья слетают, в пространстве рябя,
Хлопья слетают.

Смыло белейшей волной к ноябрю
Прошлого сажу.
Господи, Боже мой, я повторю

Все, что Ты скажешь.

* * *

Вдали, в расплывшейся млечности-

Чуть видимый контур вершин...

Один на один с Бесконечностью,

С безмерным один на один.

Сюда уводили пророчества,

Судьба предвещала моя

Сомкнувшийся круг одиночества

И всю полноту бытия.

У жизни и смерти на грани я,

В ничем среди волн пустоты

Теряю свои очертания.

Но Бог обретает черты.

VI. Огонь без дыма

* * *

Осенний свет -сплошной пожар.

Пожар великий и священный.

Огонь сошел, как высший дар,

Освобождающий от тлена.

Вновь стала явственно видна
Та глубь, что лишь на миг сквозила.
Вновь загорелась купина.
Которая сгореть не в силах.

* * *

Листья падают, как звезды...
Эти искры звездопада...
Тихо, холодно и поздно.
Но трепещут звезды рядом.

Распадаются все цепи—
Плоть не давит и не держит.
Только этот звездный трепет,
Только этот тайный стержень...

* * *

|

Поля опустели, и рощи тихи.
Но песня еще не допета.
Из золота осени ткутся стихи.
Из нитей осеннего света.

Незримою прялкой чуть слышно шурша,

Вдали от гремящих событий,
Из золота осени ткется душа,
Из еле мерцающих нитей.

И в чуткий покой превращается плач.
Ткань жизни из духа творится.
О, Ты, неустанный, таинственный Ткач,-
Любовь, осветившая лица...

II

Земля остывает. Чуть движется кровь.
Нет слов, замедляются жесты.
Жизнь тихо уходит, но входит любовь
Занять опустевшее место.

Так вот отчего эта искра листа-
Огонь, исцеляющий раны.
Так вот отчего так горит Пустота
И так тишина осиянна.

* * *

Я люблю, когда редет лес:
Эта опрозраченность седин.
Дух сквозящий... Никаких завес.
Мир опять огромен и един.

Вот и остаемся глаз на глаз
С тем, что было где-то за стеной.
Только то, что разделяло нас,
Медленно уходит в мир иной.

* * *

Мне все стволы поют о Боге.
Я слышу голос каждой ветки.
О, эта весть бессчетно многих
Неведомых и незаметных!

Беседа сердца со струною...
Откуда в этом сердце тленном
Вот это знание иное
О неземном и неизменном?

Сверкающий осколок чуда—
Листок осенний в день погожий
Перебивает мой рассудок—
И все про то же, все про то же...

* * *

Я подарю тебе октябрьский лес
С его совсем особой тишиною,
С деревьями, утратившими вес.

Вернувшись в царствие иное,
Куда лишь только ангел смерти вхож.
Где холодно и неприятно людям,
И тонкой кистью метится чертеж
Того, что завтра непременно будет.

Но главное-не завтра, а сейчас.
Холодный ветер ниоткуда дунул.
Последних сил теряется запас,
Но эти обнажившиеся струны
Стволов немых!.. Как будто сам Господь
Их все смычком нерукотворным тронул,
И превратилась тающая плоть
В светящиеся золотые звоны...

* * *

И наконец-то нет помех.
Угомонились вихри.
Чтоб я могла сказать за всех,
Мы все должны затихнуть.

И в этом мире немоты
Пусть с нас спадет броня.
Я-за тебя, а может, ты
Все скажешь за меня?..

* * *

Гаснет свет в моем окне.
Чтоб расти теперь во мне.
Ширью всех небес дыша,
Возвышается душа.
И в неслышимой мольбе
Поднимается к Тебе.

* * *

У года есть своя заря—
Золотистый лес осенний,
Прозрачный пламень октября,
Великой тишины свеченье.

Вся плоть почти сошла на нет,
Но лад вселенский не разрушен,
И проступает тайный свет-
Пространство открывает душу.

И пусть вблизи ночная мгла,
Сияет лик живого Спаса.
Быть может, я весь год ждала
Сего торжественного часа.

* * *

Кто это говорит со мной
Всем существом, совсем без речи,
Затеплив в темноте лесной
Свои колеблемые свечи?

Чей знак из золота берез
И пурпура осины соткан?
Кому необходим до слез,
До содрогания—мой отклик?..

* * *

А времени не будет. Это значит,
Что будет Бог,—Никто уже не враг.
У сердца есть всего одна задача:
Не отступать от Бога ни на шаг.
Не будет больше ни труда, ни лени,
И смерть пройдет так, как проходит сон.
Меж мной и Богом нету разделенья.
И это вечность. И конец времен.

* * *

Деревья, тяжелые ветки склоня,
Зовут и уводят неспешно меня
Высоко-высоко, куда-то туда,
Где робко зажглась на мгновенье звезда.

Глубоко-глубоко, к вселенскому дну,
В мою неподвижность, в мою глубину.

* * *

Лес застыл. И он чего-то ждет.
Но чего же? Как его понять?
Тишина. Дыхание пустот.
Бесконечной грусти благодать.

Просветленной боли торжество.
Ты простил. И сам уже прощен.
И тебе не нужно ничего.
Ты все отдал. Что ж теперь еще?

Что за ожидание в чертах
Навсегда затихшего лица?
Медлит Дух, с себя стряхнувший прах,
Ожидая близости Творца.

* * *

Упокой меня, тихая осень,
Дай душе свой надмирный покой.
Легких листьев дрожащая осыпь,
Золотистый ковер под рукой,

И зиянье... Внезапные бреши
Среди мыслей и дел посреди...

Проясни меня светом нездешним,
Бесконечностью лоб остуди.

Голосами всех далее покликай,
Чтоб усопшие отозвались...
Научи меня смерти великой,
Уводящей в великую жизнь.

* * *

Осень ласковая, нежная,
Осень тихая моя...
Расставанье неизбежное,
Здесь граница бытия.

Осень ясная, прозрачная,
Все насквозь и на просвет.
Нет в лесу местечка мрачного,
у деревьев плоти нет.

Или есть... совсем готовая
Страх ухода обороть,
Эта призрачная, новая.
Эта ангельская плоть...

* * *

Здесь золото-как Божий ореол
Такое нестерпимое сиянье,

Что сердцу ясно: это Бог вошел
И началось немое предстоянье.
Так в октябре в лесу сияет дуб,
И в этой осиянности осенней
Молитва беспрестанно льется
И тихо наступает озаренье.

* * *

Листва в огне. Огонь без дыма,
Лист облетает за листом.
Но этот дуб неопалимый—
Как весть о веке золотом.

Пророческая весть о чуде,
О вечном царстве тихий сказ,
Где так светиться будут люди,
Как листья светятся сейчас.

* * *

Осенний день, и ветра свист,
И улетающие стаи,
И за листом слетает лист.
Так книгу жизни Бог листает.

Утраты сердца моего,—
Такая грусть, такая жалость!..
Не остается ничего...

Но ведь поэзия осталась!

* * *

Откуда это торжество?

Ведь жизнь у своего предела.

Скажи мне, осень, для чего

Ты столько золота надела?

Как будто лес весь-тронный зал -

Такой простор и тишь такая!

Душа, как Золушка на бал,

Пришла, но... время истекает.

* * *

Такая полнота свободы!

О, сердце полное мое...

Ведь эта тихая природа

Есть наше инобытие.

Но кто узнает, кто узнает.

Что эта ива у ручья

Есть я, уже совсем иная,

Я без своих границ, но я...

* * *

Одно лишь только есть на самом деле

Сквозь все пространства, годы и века:
Струятся ввысь стволы берез и елей,
Струится вдаль беззвучная река.

И в этот день бессолнечный, осенний,
Поняв, как мир бездонен и высок,
Я чувствую незримое струенье
И погружаюсь в медленный поток.

Наш смысл совсем не за земным порогом,
А в треске сучьев, проблеске огня.
И то, что люди называют Богом,
Сейчас струится в мир через меня.

* * *

Мой поющий костер, убаюкай меня,
Мне свою колыбельную спой,
Зачаруй нескончаемой пляской огня,
Тихим треском своим успокой.

Дай взглядеться в последних углей волшебство
И прозрачного дыма круги.
Расскажи мне о том, что важнее всего,—
Остальное забыть помоги.

* * *

Горящий медленно костер -
Непревзойденный дирижер.
А этот тыществолый лес,
Как затаившийся оркестр:

Порыв огня, и-нам слышна
Немыслимая тишина,
Как будто тыщеустый зов
Еще неведомых миров.

* * *

Осенняя прозрачность одеянья.
Уже не лист-а легкий дух листа.
О, красота земного увяданья,-
Небесного цветенья красота...

И зреет мысль пронзительно-простая:
Жизнь подошла к земному рубежу.
Все то, что я имела, оставляю,
И все оставив, столько нахожу!..

* * *

Ничего. Мир стерт до ни-че-го.
Ничего, что было бы не Богом.
Бесконечно чисто существо.
Марфа, Марфа, ты пеклась о многом...

Только что оно, и где оно?
Ты уже не видишь и не слышишь.
Остается сердцу лишь одно:
Чуткое прислушивание к тиши.

* * *

О, Господи, какая тишина!
В ней тонут наши домыслы и сны.
И добывают истину со дна
Вот этой бесконечной тишины.

Как хорошо с Тобой наедине.
Как близко сердце к Богу своему...
Я плаваю в великой тишине,
Ныряю в засветившуюся тьму...

* * *

Огонь горит. Горит лампада.
Горит свеча. Горит звезда.
И больше ничего не надо,
Пусть только он горит всегда
Тем чистым пламенем без дыма
Сквозь всё и всех, всегда един,
Тот постоянный, негасимый

Огонь глубин.

* * *

Чувств моих смятение,

Осень золотая!

Над листвой осеннею

Ангелы витают.

Золотыми точками,

Взмах крыла и мимо.

Только все заочное

Оказалось зримо.

Только тяжесть плотная

Стала горсткой пыли.

Крылья мимолетные,

Чьи вы? Не мои ли?

* * *

Золотое кленовое пламя

И нечаянный пурпур листа...

В переполненном сердце—стихами

Проступает Твоя красота.

Лес зажегшийся, лес мой осенний...

В этот тихий пронзительный час
Бесконечное благодаренье
Проступает слезами из глаз.

* * *

Есть капля, вспыхнувшая где-то,
И в ней в единый миг сошлось
Все, что рассеяно.— Луч света,
Пронзивший этот мир насквозь

До обнажившегося Бога,
Непостижимого уму.
Всего-то надо так немного—
Прожечь насквозь земную тьму.

* * *

Какой же смысл, какие цели
У высших сил? В чем их закон?
Сто капель вспыхнуло на ели,
И мир наш грешный был прожжен.

И вот окончилась разлука
С самим собой, ушла вина.
Сгорела вся земная мука.
Вся смерть навывлет прожжена.;

* * *

Осенью мы чуем близость Бога.
И в слезах, уже совсем без сил.
Шепчем с нарастающей тревогой:
«Жизнь уходит. Бог нас посетил».

Небо опускается на плечи,
Вся земля в торжественном огне.
Жизнь уходит. Наступает вечность.
Вечность разгорается во мне.

* * *

В лесу-сиянье золотое,
Сквозь ветки-веянье пустот.
Смерть листьев стала красотой,
Той самою, что мир спасет.

И в день бессолнечный осенний.
Когда видна нагая суть,
К нам приближается спасенье
Сквозь смерть, навывлет, через грудь.

* * *

Нет, не точка—многоточье—
Многомерность, многострунность.
Где-то в сердца средоточьи—
Нескончаемая юность.

Бесконечное начало,
Через все концы сквозенье
В этих блекнущих опалах,
В этом золоте осеннем.

Обнажившиеся глуби,
Просветившиеся лица.
Кто-то нас так сильно любит,
Что нам жизнь отдать стремится.

Это таинство в природе
Просветляющей печали:
Кто-то в этот час уходит,
Чтобы нам открылись дали.

* * *

Лес смолк совершенно. Нет птичьего пенья.
Лишь желтых листов колдовство.
Но каждое дерево есть откровенье
О Боге, создавшем его.

Душа застывает сейчас на пороге
Чего-то не видного мне.
И лес переполнен молчаньем о Боге,
Как гомоном птиц по весне.

* * *

Лес осенний тихо плачет.
Желтый лист роняет липа;
Дуб становится прозрачен,
Тонким золотом усыпан.

И на нем, как на иконе.
Что над свечкой заблестела.
Виден мир потусторонний, -
Мир без веса, мир без тела.

Боже, как Ты милосерден,
Зажигая это пламя,
Тайный контур вечной тверди
Обнажая перед нами.

VII. Зачем тебе яблоко, Ева?

Стихи живут на самом дне,
На той последней глубине

Души, в том самом забытьи,
Где живы мертвые мои.

Я там бываю не всегда.
Но если я вошла туда
И вновь вернулась в мир земной,
Стихи выходят вслед за мной.

* * *

Бог есть чудо воскресенья.
Не считайте и не мерьте,
Есть закон обратный тленью,
Есть закон противусмерти.

И от этого закона
В мраке мира, в ночь глухую
Тихо светится икона
И в аду душа ликует.

* * *

Вольный мартовский ветер
Веет, ветки клоня.
Хорошо вам на свете
В этот день без меня?

Нет ни черт, ни убранства.

Стало тесно словам, -
Все земные пространства
Я оставила вам.

Вы свободны, вы сами
Царств воздушных цари.
Ну а я, я ведь с вами,
Но не рядом-внутри.

II

Стихи приходят лишь взамен меня,
Как этот мир пришел на место Бога.

Таков закон неумолимо строгий.
И Дух живым останется, храня
Святой закон великого обмена
Творца Вселенной и самой Вселенной.

* * *

И вот, постепенно смолкая,
От мира мы оторвались.
Но, Боже, бездонность какая!
Какая великая жизнь!

Лес тихий, пустынный и строгий.
Как ствол неподвижно стою.

Что надо тебе, кроме Бога,
Адам в первозданном раю?

Ветвится огромное Древо,
Сияет ветвей гущина.
Зачем тебе яблоко, Ева?
Ужели душа не полна?

* * *

Заметить жизнь в сосне, заметить вдруг,
Что это жизнь не чья-то, а моя.
Течет сквозь нас единая струя,
Та самая, что носит имя—Дух.

Не дух сосны, не мой, не твой, а тот,
Который нас с сосной переплетет,
Найдет внутри неразрушимый пласт
И даже в смерти умереть не даст.

* * *

Есть тишь, которую возможно
Услышать лишь в соседстве Божьем,
В Его присутствии. Есть гладь,
Которую нарисовать
Возможно только, как икону.
Как глаз воистину бездонный.

Увидеть Бога и услышать
Возможно, если станешь тише
Воды и ниже кротких трав.
Тогда вот-смертью смерть поправ...

* * *

Вот быль, а остальное-небылицы.
Вот это явь, все прочее-во сне.
И вышивает звуками синица
Узор по бесконечной тишине.
И есть, где небу целому разлиться,-
Такой простор немотствует во мне.

* * *

Сплошная жизнь... Тыходишь в лес,
Как в жизнь немереную. Без—
Смертие. Во все края.
Во все концы—душа моя
Без ничего. Без никого.
Живого Духа торжество.
Мой нищий Дух, живущий без
Всего, как полный круг небес.

* * *

Новое стихотворенье—
Это как новый вздох.
Ветер шумит весенний.

Вновь воскресает Бог.

Близится Божий вестник,
Светел, крылат и тих.
Только дыши с ним вместе—
Вот и родится стих.

* * *

Ствол подставился тихо лучу.
Лес пустынный прозрачен и нем.
Замолчу, замолчу, замолчу,
Стану деревом, стану ничем.

Вот тогда и расплещется весть.
Бог подаст свой ликующий знак-
И пойму в этот миг, что я есть
Наконец-то... и, Боже мой, как!

* * *

Закружи меня, ветер весенний,
Перепутай концы и края,
Пусть растают, исчезнут как тени
Все заботы, вся тяжесть моя.

Вот ворвался в зеленую гущу

И, ликуя, бушуешь внутри.
Опрокинувший все, всемогущий,-
Все что хочешь, со мной сотвори!

* * *

Талый мартовский снег. Холода на исходе.
И среди бесконечной лесной тишины
К нам доносятся Божьи слова в переводе
Одинокой синицы и старой сосны.

О, живая вода, утолившая жажду!
Дух впивать ее целыми днями готов
Боже мой, если б мне удалось хоть однажды
Сделать точно такой перевод Твоих слов!

* * *

Сосна зеленая застынет
В такой невероятной сини.
Что закружится голова,
И ты поймешь, что свет недаром
Горит сейчас таким пожаром,
Что можно выдержать едва;
Что эти световые стрелы
В такие целятся пределы,
Где смерть поистине мертва.
Они—в бессмертие дорога.

И вспыхивает точка Бога
На самом кончике копья,
Нацеленного в сердце света.
Я ощущаю точку эту,
Когда насквозь пробита я.

* * *

Та тишина, где что-то происходит.
Не мертвая, глухая тишина,
А та, что жизнью будущей полна
И звуком неродившихся мелодий.

Та тишина, которая сейчас
Разлита в небе-и глубоко в нас,
И ждет, чтоб мы ее не расплескали
Ни в радости горячей, ни в печали.

* * *

Быть и не быть одновременно.
Быть так, чтобы не ставить стены,
Чтоб никогда не стать стеною,
Как царство кроткое, лесное
Не встанет меж душой и Богом,
А будет внутрь Него дорогой.

* * *

Верится, и мысль моя легка.
Перистые делятся облака,
Точно перья от тех самых крыл.
Что Архангел над землей раскрыл.

Кто подхватит белое перо,
Будет жить прозрачно и добро
И писать тем ангельским пером
По небесной глади—ни о чем

* * *

И шумит и шумит, вешним жаром согрет.
Взмахи веток и крыльев разлет.
Это сердце мое разрослось на весь свет
И поет, и поет, и поет!

Эта вечная весть, бесконечный рассказ,
Затвержённый душой наизусть.
Это Бог мой меня окликает сейчас.
Бог окликнет, а я отзовусь.

* * *

Этих блесков россыпи,
Этих струй разбег...
Кто ответит Господу,

Тот и прав навек.

Помыслами чистыми

Даль напоена.

Кто ответит истинней,

Чем сама весна?!

* * *

о вечной жизни говорят так тихо,

Что дух среди громыханья бытия,

Среди разбушевавшегося лиха

Не верит—не ослышался ли я ?

Как нам поверить тоненькой капли

И плеску отуманенной сосны?

Тому, о чем синицы вдруг запели.

Почти не нарушая тишины?

И что он значит, этот возглас «верьте»,

Когда вокруг не видно ничего?

Как нам поверить в торжество бессмертья,

Когда в нас смерть справляет торжество?

Когда вся тьма распахивает двери

И луч последний чернотой скрыт?

Как нам поверить?.. Так вот и поверить

Тому кто очень тихо говорит...

* * *

А сосны—это провода

Между душой и Богом,
Дорога в вечность, в никуда
Ведущая дорога.

Путей протянутых не счесть.
Достало б только сил
Дойти до каждого, кто есть,
Кто будет и кто был.

* * *

В гущине лесов сосновых
Среди солнечного дня
Тихо так, что Божье слово
Вдруг доходит до меня.

Лабиринт земной распутан,
И вопросов больше нет.
Я для этой вот минуты
Родилась на белый свет.

* * *

Я слежу за падающим снегом.
Мягко устилающим дорогу.
За снежинок неустанным бегом.
Или, может, я слежу за Богом?

Белых веток тоненькие нити,
Белых крыш спокойное мерцанье...
Вы меня сейчас не отвлеките:
У меня великое свиданье.

I

Здесь покой. Бесконечный, густой, вековой,
Как озерная гладь, неподвижный покой,
Тот, что мысль остановит врасплох, налету,
Тот, который стыдит всю мою суету.
Тот, кому среди тусклого влажного дня
Я молюсь: защити и помилуй меня.

II

Кто воспримет покой неподвижных стволов,
Кто усвоит его, тот и к смерти готов;
Тот поймет, что течет бесконечной рекой
Там у смерти внутри, -полный жизни покой.

* * *

Ступень одолевая за ступенью,
Я вдруг узнала: все попытки—дым.
Достать до Бога можно лишь смиреньем.
Одним смиреньем только, но каким!

А этот дерзновенный контур горный?

И этот вал бушующий морской?
Ужели Богу нужен лишь покорный?
Ужель ему угоден лишь покой?

Путь к Богу горы в небе прочертили.
Порыв к нему—бушующий простор.
Но есть смиренность, равное по силе
Всем бурям моря и обвалам гор.

* * *

Для духа пищи нет иной,
Питья иного нету—
Питаюсь только тишиной
И наполняюсь светом.

И в миг, когда весь свет вмещён,—
Вся тишь—внутри сосуда—
Разносится пасхальный звон
И происходит чудо.

* * * .

Отче, верни меня в лоно свое!
...Тихо
Вот оно—сердцу родное жильё,
Выход
В мир, где все так, как задумывал Ты,

Отче.

Мы здесь нежней, чем в апреле листья,

Кротче

Облака. Смешанный лес напоен

Запахом вешним.

И не нарушен Твой первый закон—

Все мы безгрешны.

* * *

Под шум дождя,

Под струй поток

Не слышен мир,

Но слышен Бог.

Под шум дождя,

Под шелест рек

Не слышен миг,

А слышен век.

Сквозь тихий сказ,

Сквозь волны тьмы

Не слышно нас.

Но слышим мы.

* * *

Замирает старый лес,
Птиц умолкли голоса.
Вечер сходит к нам с небес,
Дух восходит в небеса.

Свет все тише, все бледней,
И хоть стынет в жилах кровь,
Собралась в груди моей
Бесконечная любовь.

* * *

Есть музыка глубин. Есть музыка такая,
Которая звучит, вовеки не смолкая,
И все же никого из нас не заглушив.
Есть тот деревьям ведомый мотив.
Те звездные немолкнувшие хоры,
Что оглашают наших душ просторы,
Когда они воистину вольны.
И им земные звуки не слышны.

* * *

Тихий ветер тронул дали,
И деревья зазвучали,
И в волнах лесного шума
Стало слышно, что подумал

Бог. Вот здесь, сейчас, сегодня-
Отзвук замыслов Господних...

* * *

Сквозь лабиринт бреда,
Наружу не спеши.
Есть музыка дождя
И музыка души.

Есть танец мировой,
Не зримый глазу круг.
Есть тихий шелест хвой
И капель перестук.

Весь мир в твоей груди.
Не надо ничего.
Постой, не выходи
Из сердца своего.

Наружу не спеши,
Сквозь лабиринт бреда.
Есть музыка души
И музыка дождя.

* * *

Я—никто. Зашумевшая хвоя,
Шум лесной, переполнивший слух...
Я—всего лишь пространство пустое
Для Тебя, созидающий Дух.

Слово слышится только в молчаньи.
Плотность «я» расплывается в дым.
Чтоб возникло в ничем мирозданье,
Стань никем, стань пространством пустым!

* * *

Есть сила жизни, сила Духа,
Которой вечно не до нас.
К земным страданиям небо глухо,
Затем, что занято сейчас
Тем неизменным созиданьем,
Тем совершеннейшим трудом,
В котором тонут все страдания.
И в недрах раздается гром
Беззвучной ангельской осанны,
Зажёгшей новые солнца.
О, этот рокот океана,
Благословляющий Творца!

* * *

Говорить вот так, как Бог,—
Сразу всем собою,
Как лесной широкий вздох,
Так, как шум прибоя.
Как Господня благодать,—
Без единой фразы
Говорить и оживать
Всем собою-сразу.

* * *

Лес апрельский. Тонких веток
Кружевные купола.
Теней нету, листьев нету—
Только ангелов крыла.

Только щебет, только гомон
Снов, как будто полон лес
Нерожденным, невесомым
Населением небес.

VIII. Мои глухонемые стражи
(из швейцарских тетрадей)

* * *

Бог говорит не так, как мы. Бог – Слово

С Деяньем вместе. - Никаких словес!

Один лишб слог в устах у Йеговы –

И горы достигают до небес.

И что мне двенадесять языков,

Все крики мира – гомон воронья –

Пред этой речью тихой и великой –

Единым, вечным Словом бытия?

Кто мог поверить, что гора немая?

Бог говорит в великой тишине.

И если я безмолвье понимаю,

Я понимаю все, что нукужно мне.

* * *

В горах—ни отзвука земной юдоли,

Затем, что здесь, среди вздыбленных камней,

Так просто слышать Творческую волю

И так легко соединяться с ней.

Лишь только гребни выйдут из тумана,

Лишь обозначится рисунок гор, -

Звучит одна великая осанна

И голос мой в единый входит хор.

* * *

Гроза в горах. Вершины сосен

Дрожат, блеск молний в вышине.

О, как Ты крут и как Ты грозен

И как Ты, Боже, близок мне!

Здесь, на уступе у карниза,

Над самым облаком стою

И страшную Господню близость

Я чувствую, как жизнь мою.

* * *

И есть единственное чудо –

Отбросить первородный грех

И вдруг узнать себя повсюду –

Вблизи, вдали, во всем, во всех.

Ты-только малая частица,

Из ткани вырванная нить,

Способная соединиться

С собой и Бога исцелить.;

* * *

Крутой обрыв, поросший лесом,

Стволы у бездны на краю.

Как будто бы своим отвесом

Мне кто-то мерил жизнь мою.

Сверкнувший скипетр Миродержца

Держа незыблемой рукой,
Он ввинчивал в глубины сердца
Могучий, как скала, покой.

О, эти тайные провалы—
Незнаемая глубь моя!
Она чуть-чуть не доставала
До полной меры бытия.

Но шла тропинки горной лента
Все вглубь и вглубь, чтоб наконец
Дойти нечаянно до Центра,
В котором обитал Творец.

И вот теперь и дни и ночи
В дожди и ветры будет тишь.
Вдыхай полней, живи, как хочешь!
Ты вместе с Богом мир творишь.

* * *

О, разверни меня, как почку
В саду весеннем, как бутон!
Тот, кто с печалью ставит точку
В исходе дней, в конце времен, -

Тому душа не подсказала,
Осмыслить ум еще не смог.

Что в каждой точке самой малой
Свернулся всеобъяснявший Бог.

* * *

Здесь так глубоко и строго
Так тихо и богомольно!..
Деревья вырастают в Бога,
И этого с них довольно

И вместе с шуршанием хвои
Доносится мысль простая,
Что надо мне стать землею,
В которую Бог вырастает.

Так далеко, как видит око,
Так далеко, как только свет
Достал вечерний, так высоко,
Что звуки все сошли на нет.

В такие дали дух отпущен
В своей неслышимой мольбе!
Так далеко от дел насущных
И близко самому себе!..

* * *

Творящих сил девятый вал

Обрушился безмолвьем в слух.

Дух эти горы воздымал,

И горы воздымают Дух.

И сей незыблемый гранит

Чем молчаливей, тем слышней

О силе Духа говорит,

А не о тяжести своей.

И потому в сей мир вонзен

И слышен на сто верст вокруг

Тончайший колокольный звон—

В груди рождающийся звук.;

Тот легкий, еле слышный тот –

Из недр груди, из груди гор, -

Который ввысь и внутрь плывет

Всея тяжести наперекор.

* * *

Колонны лиственниц и сосен

Среди ущелья поднялись,

Выруливая на откосе

Так неизменно ввысь и ввысь!

О, это тайное движенье

Сквозь тяжесть, через вихрь и тьму-

Единственное направленье

Всей жизни к Богу своему...

* * *

Но это больше слова, больше мысли—

Воды и неба блекнущая смесь.

Есть в нашей жизни что-то больше жизни

И только лишь поэтому жизнь есть.

* * *

Белесоватая вода

И крылья чаек

Уводят мысль мою туда,

Где я кончаюсь.;

И гдк из сердца моего –

Из точки малой

Берет немое Божество

Свое начало.

* * *

Весь долгий день был час зари.

Светились тихо изнутри

Вода и горы. Солнца нет,

Есть только внутренний подсвет.

Прозрачна мировая плоть,

И виден сквозь нее Господь.

* * *

Есть Древо жизни—дерево, в котором
Незримый корень, дальнюю вершину
И мощный ствол я чувствую Собором,
Незыблемым, безмолвным и единым.

О, вещее безмолвье совершенных,
В которых дух не распылен, а собран,
Явивших нам подобие Вселенной- У
му непостижимый Божий образ!

* * *

Я погружаю дух в безмолвье,
В простор, в великие провалы,
Как в Стикса ледяные волны
Фетида сына погружала.

Пространство чистое, пустое –
Спокойной силы изобилье.
И дух, промытый немотою,
Над бездной расправляет крылья.

* * *

Мой высший час, мой вечный дом-
Вершина полнобытия.

Наедине с своим Творцом
Душа находится моя.

Стоит такая тишина,
И так сверкает снежный пик!
Еще я не сотворена,
Еще не остановлен миг.

Еще трепещет под рукой Т
ворца-горячий матерьял.
И этот трепет-мой покой,
Моей любви девятый вал.

* * *

Здесь, в укрытии от криков свирепых,
Здесь, где смертный немотствует страх,

Я построю великую крепость,
Крепость Духа воздвигну в горах.

Огражу ее белой лавиной
В синеве засверкавшего льда,

Чтоб никто уже дух мой не сдвинул
Ни на шаг, ни на метр-никогда.

Не устану в бесчисленных повторях

Возносить я молитву одну:

«Боже мой, сохрани эти горы!

Боже мой, укрепи тишину!»

* * *

Озеро в моей груди

Тихое, зеркальное.

Позади и впереди

Бродят грозы дальние.

Позади и впереди

Жизнь, угрозы полная.

Сохрани, Господь, в груди

Озеро безмолвное!

* * *

Все оправдание жизни в том, что я слышу и вижу,

В том, что несу в моем сердце тяжесть

по имени Бог.

Судный мой час неизбежен. Час мой все

ближе и ближе.

Знаю—суд будет бесстрастен и нескончаемо

строг.

И никуда не укрыться, и ничего не поможет.

Будет награда по делу и приговор по вине.

Что на суде я отвечу? Что я скажу Тебе, Боже?

Разве одну только фразу: Ты уместился во мне.

* * *

Пик горный. Здесь нельзя свернуть

С крутого направленья к Богу.

Как бесконечно труден путь!

Какая страшная дорога!

Как неприступна эта твердь!

Недостижима высь!

Но отступленье-это смерть.

А восхожденье-жизнь.

Какие бездны нам грозят...

Как стынет в жилах кровь!..

Но отступленье-это-ад,

А труд пути—любовь.

К вершине полнобытия

Дух здесь провел черту.

Меня зовет любовь моя

На эту высоту.

* * *

Деревья на обрыве гор,

Объявшие собой простор.

Они напоминают мне

О бесконечной вышине
Души забывчивой моей,
О том, что долго-долго ей,
Срываясь, радуясь, скорбя,
Тянуться до самой себя.

* * *

От меня до Бога—
Бесконечно много.
Мир, как мост, построен
Между Ним и мною.

И мое призванье—
Мерить расстоянье,
Пролагать дорогу
От меня до Бога.

* * *

Когда внутрь сердца моего
Войдет весь мир,—ни глаз,
Ни рук—не нужно ничего,
Чем дорожу сейчас.

Когда в меня войдет весь свет,
Вся мера бытия.
Вы скажете: ее здесь нет,
Но всюду буду я.

Не знаю, кончен ли земной
Или не кончен путь,
Но чтобы встретиться со мной,
Вам надо мир вдохнуть.

* * *

О, Господи, меня ведь нет.
Расплылись все черты.
Все было суетой сует,
Остался только Ты.

Остались на исходе дня
Вод чистых зеркала.
О, Господи, прости меня
За то, что я была...

За то, что тратила запас
Вселенской тишины,
Прости мне, Боже, каждый час,
Что мы разделены.

* * *

Мы заглянули за пределы.
Нам кто-то третий глаз открыл,
В часы истаиванья тела
Даря внезапно пару крыл.

И мысль, как детский вздох простая,
Явилась в этот час на свет,
Что нужно до конца истаять,
Чтобы понять, что смерти нет.

Нам ясно только лишь в полете,
Как стать прозрачным, стать сквозным.
Бессмертье не дается плоти,
Затем что ей не сладить с ним.

* * *

Звезда живет в такой дали!
В тысячелетьях от земли...
Но с той поры, как родилась.
Она с землею держит связь.

Немая горная страна
От наших дел отрешена.
Но если нету связи с ней,
Потерян смысл всех наших дней.

О, мой незримый Господин!
Всегда без слов, всегда один.
Но речь до той поры жива,
Пока Тобой полны слова.

Ты далее, чем Млечный Путь,
И точно воздух входишь в грудь.

* * *

Мне нужно Бога моего услышать,
Настроить душу на Его волну,
Суметь найти ту самую одну
Единственную... С каждым мигом тише
Шум внутренний... И вот уж спор с судьбой
Окончен, страх и страсти замолкают.
А дальше все пойдет само собой,
И вдруг наступит простота такая.
Как будто бы проложены мосты
Над бездной. По плечу любое чудо.
И только цену этой простоты
Я в миг один, как страшный сон, забуду.

* * *

Что такое воскресенье?
Наш Творец, дохнув едва,
Вдруг промыл свое творенье
И отмыл от вещества.

Вдох... проникновенье Божье
Внутрь сердца моего...
Невозможно? А возможно
Нас создать из ничего?

* * *

В час великой нежности Господней,
В час, когда истаяла скала
И душа становится свободней
Легких волн и птичьего крыла...

Когда всякий образ сердцу тесен
И свой вес и цвет теряет твердь,
Дух, сгустившись где-то в поднебесье,
Медленно проходит через смерть.

* * *

Туман и твердь. В тумане горы.
Друг в друге тонут даль и близь.
И нам пора окончить споры.
Раз твердь и зыбь в одно слились.

Час мирового примиренья.
Свечением пронизан дым.
Окончен спор Творца с твореньем
И каждого с самой самим.

I

Изогнут старый ствол дугою. В
густых лесах горы отрог.
И вдруг—все внове. Все—другое:

Синь озера, а может—Бог?

Ведь Он и есть та даль без края,

Та ширь, где нас с тобою нет.

Он тот, кто нас пересекает

И открывает в нас просвет.

II

Мы дремлем, самими собою полны,

Нам снятся все те же привычные сны.

Нам мнится, что жизнь—нескончаемый круг—

Все те же, все то же, все так же—и вдруг...

О, это внезапное, наперерез

Нам вставшее «вдруг»—этот горный отвес,

Иль зеркало озера в прорези скал,

Иль Божьего глаза бездонный провал...

* * *

Моя молитва—это час

Безмолвия, когда приказ

Немой идет по всем мирам

И проникает в сердце к нам.

Приказ опустошиться.

Бог

Один опустошиться смог
Совсем. А мы еще дрожим.
Склоняясь тихо перед Ним.

Но в эти самые часы
Дрожат Господние весы.
И ровно сколько отдаю,
Втекает жизни в грудь мою.

* * *

Тишина распространяется не только в
пространстве,

Но и во времени.
Есть мгновения тишины,
Есть часы и есть века.
Горы—это тысячелетья тишины.
И сдвинет гору только тот,
Кто молчал дольше, чем гора.

* * *

А горы копят мощь мою,
И постепенно узнаю
За часом час, день ото дня,
Как много в сердце у меня
Великой мощи тишины,
Неприменимой для войны.

* * *

О, сколько крови, сколько смут!
Как слез неисчислимо много!
А горы вечно берегут
Покой невидимого Бога.

И как ни громыхает ад,
Он их безмолвья не нарушит—
Вот тех, кто день и ночь стоят,
Оберегая наши души.

Стоит недвижимая рать
Стеною против силы вражьей.
Чем я сумею вам воздать,
Мои глухонемые стражи?..

* * *

Наедине с самой собой
Над гладью сизо-голубой
В бесчисленных блесках серебра,
Где над водою спит гора.

Почти что в облачной стране,
С самой собой наедине...
Не видно лиц, не слышен шаг
Ничей, нигде... Вот только так,

Всей ширью мировой дыша,
От Духа вновь зачнет Душа
И тихо-тихо понесет
Грядущий плод.

* * *

Эти сизые громады-
Духа стынувший прибой.
Горы требовали лада
Полного с самим собой.

Властно требовали горы,
Чтоб душа была полна Мира.
Кончились раздоры.
Наступила тишина.

* * *

Раскидистый огромный свод
Запутанных ветвей
Меня таинственно ведет
Вовнутрь души моей.

Туда, где тихо и темно,
Где чаша бытия
Полна, откуда так давно
Зачем-то вышла я

И потеряла путь назад.
Я вне себя, но вот—
Стволов огромных тихий ряд
И веток переплет.

Вход в лабиринт,—Войти, свернуть
По линиям ветвей...
Откуда им известен путь
Вовнутрь души моей?..

* * *

Меня уравновесить может
Лишь только цельный образ Божий,
И потому лишь в мире есть я,
Что существует равновесье
Таинственное, точный счет,
Который только Бог ведет
И сердце.—Вечный разговор
Сквозь опрозраченный простор.
Глаз на глаз. Только я и Ты
Среди вселенской немоты.

И
Быть дерзновенным, как гора,
И кротким, как вода...
Прильнула к кромке серебра
Лиловая гряда.

В душе навеки с этих пор
Останутся следы
И дерзновенья этих гор
И тишины воды.

II

Гора к чертогу Божьему взлетела.
Вода хранила свет Его лица.
И нету дерзновению предела,
И нет смиренью края и конца.

Союз безмолвный, вечный и священный
Обнявшие тихо гладь и высь...
О, будь, душа, как озеро смиренной
И у горы дерзанию учись.

* * *

Покой скалы. Покой пустых высот,
Покой покрытых елями предгорий...
Он движется. Он дышит.
Он течет. Он как река. Он может стать как море.

Он властно останавливает речь
И постепенно расправляет лица.
И если в душу дать ему натечь,
Душа теряет все свои границы.

* * *

А Он ведь был распят. Он был распят.
Он был, как мы, раздавлен и бессилён.
И хоть об этом сотни лет твердят,
Мне кажется, что это мы забыли.

И прежде, чем сказать, что Он могуч,
Нам надобно собрать все наши силы.
Ведь звук органа, точно первый луч
Из тьмы, восходит прямо из могилы.

И возвещает: «Это не конец.
Смерть не вечна. Глазам своим не верьте
Внутри творения живет Творец,
И жизнь творится в сердцевине смерти.

Я опускаюсь в темноту могил
И все, что будет, ведаю заране.
Но верьте лишь тому, кто заплатил
Ценою смерти за такое знанье».

* * *

Моя любовь сейчас равна закату,
И небесам равна душа моя.
Она тиха, огромна и крылата,

Она выходит за свои края.

А свет все глубже, все нежней, все ниже..

О, Господи, какая в мире тишь!

Любимый мой, вмести все то, что вижу,

И лишь тогда ты всю меня вместишь.

* * *

Так медленно, как дерево растет,

Как тянется и тянется в пустыне

Гряда холмов-таинственный черед

Неисчислимых, вдаль ведущих линий.

Так медленно, как мы в одно слились,

Когда прильнуло небо к изголовью.

Так медленно, как двигается жизнь,

Когда душа нагружена любовью.

Так медленно, как кружится рассказ

О самом тайном, самом неизменном.

Так медленно, как созидает нас

В предвечном мире Господин Вселенной...

* * *

Чтобы увидеть смысл незримый наш,

Не надо рваться за свои границы.

Высвечивает в полутьме витраж

Все, что в пространстве внутреннем таится.

С предвечным светом тайное родство...

Как входит Бог в глухую пропасть ада,

Так внутрь страданья входит торжество

И через боль просвечивает радость.

* * *

Сошла Божественная милость.

Покрылись горы сизой мглой.

И облако остановилось

Над отуманенной скалой.

Кто соразмерил, кто расчислил

Даль, облако, горы отрог

И сердце?.. Остановка мысли,

Та пауза, в которой—Бог.

* * *

Есть смысл, открытый для немногих,

Хоть каждому распахнут храм:

Не верь ничьим речам о Боге,

Покуда не увидишь сам.

Не рядом, не перед глазами—

Внезапно заполняет Бог,

Как вихрь ворвавшийся, как пламя,

Души последний уголок.

* * *

Ни почему, ни отчего,
Никак и ни зачем- К
огда глаголет Божество,
Мир совершенно нем.

Не предсказать и не понять
И объяснить не смочь-
Когда нисходит Благодать,
Слова уходят прочь.

И только слезы, только вздох-
Не в снах, а наяву
Вот в этот час родится Бог
В каком-нибудь хлеву.

* * *

Жизнь уходит, но куда?
Чуть подсвечена вода,
Чуть мерцают облака,
Жизнь, как вечер, глубока.
Бесконечною дорогой
Жизнь моя уходит к Богу.

* * *

Совсем не надо четких линий,
Совсем не надо ясных слов—
В тумане таяла твердыня,
Виднелись призраки стволов.

Но что-то было там, за оком,
За облаками, между строк...
И если в мире так глубоко,
В него неслышно входит Бог.

* * *

Здесь озеро тихо сверкнуло меж гор,
Как Божья великая милость.
Целящее место, целящий простор
Здесь сердце мое исцелилось.

Не мечется больше, не раздроблено
И—как бы упала завеса—
И я и Господь мой здесь были одно.
Как каждое дерево с лесом.

* * *

Чуть-чуть залиловели склоны,
Укрылись бархатною тогой.
Ну, а вода была иконой
И уводила прямо к Богу.

В затишьи полном на закате,
Укутав дали дымкой алой,
Как будто Сына Богоматерь,
Небесный свод она держала.

* * *

Бесконечность-это когда
Точно призраки гор гряды.
Мы как мертвые молчаливы,
А усопшие наши—живы.

IX. А я у Него подмастерье

* * *

Помедлить так, как медлит птица,
Раскрыв недвижные крыла.
Вместить всецелость.—Исцелиться
Так, чтоб душа объять смогла

Весь круг разлившегося света,
Всю глубь, в которой нету дна,
И оказалось бы, что это И есть Она.

* * *

Возьми глаза мои в свои
Вот так же, как залив берет
В себя всецелый небосвод
И застывает в забыти.

И пусть весь мир сквозь нас течет
И, совершив круговорот,
К Творцу миров вернется вновь
Его любовь.

* * *

Великий штиль.

Великое затишье.

Непререкаемая тишина.

Здесь нет людей.

Здесь царствует Всевышний.

Душа на части не раздроблена

И тихо просыпается от сна,
И восстает все то, что было мертвым,
И во всю ширь, во все концы простерта
Надмирная, домирная страна.

* * *

А тишина вокруг росла,
Как вал морской, как снежный ком,
И превращалась в тайный гром.
Душа во все колокола
Гремела о Творце своем
И созывала всех вокруг
На этот самый тайный звук,
Звук сердца, благовест души,

Родящийся в такой тиши!..

* * *

О, всемогущество Господне!
Оно нас вовсе не спасет
Ни от горящей преисподней,
Ни от разверстых хлябей вод.

И все же нет ему предела...
И на кресте распятый Спас,
Для мира ничего не сделав,
Все делает в середине нас.

* * *

Не суесловь, не торопись!
Вот в этот миг творится жизнь.
И, всеми красками горя,
По небу разлилась заря.
Через всецелый небосвод
Создатель мира нас зовет
К Себе. Твои заботы—дым.
Побудь одно мгновение с Ним.
Ты слышишь? Только лишь одно.
И—жизнь перевернет Оно.

* * *

В стране лесов, в стране озер,

В стране кристалловидных гор,
В краю лишайника и мха
Жизнь неизменна и тиха.

Стоит избушка у воды,
Оленьи прячутся следы.
Ложатся наземь облака.
Да тропка в гуще сосняка
Среди запутанных ветвей,
Как вход вовнутрь души моей.

О, этот потаенный вход!
Кто только раз туда войдет,
Тот остановит бег часов
И вдруг расслышит Божий зов.

* * *

Каштан в окошке вековой.
Вбираю внутрь густой, весомый,
Неисчерпаемый покой
Старинного, живого дома.

Прильнула к моему окну
Плющом обвитая терраса.
Вбираю внутрь тишину
Глубокого, как вечность, часа.

В осеннем золотом саду
Просветы неба засинели.
И я, как дерево,—иду,
Не двигаясь, к незримой цели.

* * *

И музыка порою не нужна.
Она бывает мельче и бесплодней,
Чем прародительница—тишина,
Что душу заполняет мне сегодня.

Та тишина стволов, небес и вод,
Кострового разлившегося дыма...
А музыка, которая грядет,
Еще земным ушам неразличима.

Такая тишина стоит вокруг.
Что сердце встретить Господа готово.
И Он грядет—тот самый первый звук,
То тайное божественное Слово...

* * *

Молчат стволы, молчит мохнатый камень.
Издалека, из глубины ко мне
Крадется Бог неслышными шагами
В полнейшей, совершенной тишине.

Мне остается лишь стоять и слушать
И ждать полвека или полчаса,
Когда же Он мою поймает душу,
Чтоб отпустить на волю в небеса...

* * *

Вся жизнь моя-богопознание.
Ничто не сказано заранее.
Всех книг священных нет как нет.
Есть только бесконечный свет.
Да глубина души, в которой
Растут и ширятся просторы.

* * *

Огонь! Огонь! О, кто же смог
Его вместить в грудной ковчег?
Огонь, который есть сам Бог.
Огонь, что не сгорит вовек.

Огонь, перед которым тьма
Раздвинулась. Путь внутрь открыт.
Огонь, в котором смерть сама
Как хворост вспыхнувший горит.

Тот белый пламень, огонь-бел.
Светящееся торжество.
Кто не отпрянул? Кто сумел

Всем сердцем поддержать Его?

Животворящая гроза,
Дыханьем мир застывший тронь!
В огонь глядящие глаза-
Сердца, входящие в огонь...

* * *

Через все небо пламена,
В которых утопаю я.
Есть огненная тишина,
Разлитая во все края.

Есть тишина, в которой Бог
Внезапно на глазах у всех
Творящий пламень свой зажег,
Сжигая грех.

Огонь внутри, душа в огне—
Но как свободно дышит грудь!
Жизнь есть горенье в тишине,
Не прогорающая суть.

* * *

Простор огромный. Для кого
Такой немереный простор?
Для линии чуть видных гор

Или для сердца моего?

Подсвет далекого огня—

Одна единственная весть...

Ужели это для меня—

Весь Дух, который в мире есть?

* * *

Войти в себя, войти туда,

Где за звездой вслед звезда

Из темной бездны восстает,

Войти в пустынный небосвод,

В немое море бытия,

И вдруг понять, что это-я.

Что все солнца-душе родня,

Что целый Бог-внутри меня,

И надо, цельность не дробя,

Спуститься внутрь, войти в себя...

* * *

Снег белый. Зачарованность

В нетронутой глуши.

Точнейшая срифмованность

Деревьев и души.

Отговорили бедствия.

Настал блаженный час

Немого соответствия
С Тем, кто замыслил нас.

Отпали все сомнения,
Ни страха, ни тревог.
Вот так стихотворение
Свое слагает Бог.

* * *

Час иссякания сил,
Час угасанья огня.
Тот, кто меня сотворил,
Медленно входит в меня.

Медленно, полно дыша,
В полной густой тишине...
Только б осталась душа
С Господом наедине!

Только к Нему прикоснись-
Слышится тихий хорал.
Он-воскресенье и жизнь-
Тот, кто сейчас умирал.

* * *

Помолиться... Выйти вон
Из событий и времен.

Вслед за рдеющим лучом
Помолиться ни о чем.
Вот о том, чтоб Божий взгляд
Просквозил навывлет ад,
И остался б только Он
От событий и времен.

* * *

Я в храм вхожу. Выхожу на гребень гор.
Я совершаю в небе омовенье.
Передо мной-пустующий простор-
Творящий Дух-ни одного творенья.

И вот подходят все слова к концу,
И светятся последние глубины.
Я причащаюсь медленно Творцу
И с Ним сливаюсь в творчестве едином.

* * *

А в небе живут иначе—
Там не говорят, не плачут.
Там только в любом мгновеньи
Вершится соединенье
Со всеми, кто есть, со всеми,
Кто жили в иное время.
Какой небывалый жребий—
Ожить в бесконечном небе

И в сердце до края полном
Рождают световые волны,
Чтоб вновь из небесной чаши
Пролить их на землю нашу.

* * *

Закон тяготенья разрушен.
Пределам поставлен предел.
На небе живут только души —
Лишь свет от истаявших тел.

На небе—не сказки, а были.
Остался в раскрытом окне
Тот свет, что мы в сердце растили,
Что медленно зрел в глубине.

Ни слова земного, ни вещи—
До капли растрочен запас.
Лишь Дух, что крылами трепещет –
Вот все, что осталось от нас.

* * *

Я знаю, как творится жизнь—
Из совершеннейших тишизн,
С немого мирового дна
Восходит медленно она.

Безмолвье глубины морской,

Утробы темень и покой,
Вынашивающей внутри
Дрожащий первый блеск зари...

Блаженство неразрывных уз.
В пространство внутреннее спуск.
Начало, слитое с концом,
И чувство тождества с Творцом.

I

Дух двинулся в обратный путь
Из света в тьму, из далей в грудь,
Из множественности-в Одно,
В то сокровенное Зерно,
Каким Вселенная была
До сотворения числа.
И целый Бог затих во мне-
В одном единственном Зерне.

II

Движенью к смерти поперёк
Внезапно вырастает Бог.
И как огромная скала
Безудерж ветра рассекла,
Вот так пересекает Он
Поток событий и времен—
Великий центробежный шквал.
И внутрь, к началу всех начал,

К немому центру бытия
Душа направилась моя.

* * *

Апостол Павел

I

Он был. Он близился. Но так,
Что мог заметить только маг
Да одинокая звезда,
Вдруг заглянувшая сюда.
Он был вот здесь. Он был сейчас.
Но только не открылся глаз,
И видел Савл все, все вокруг,
Но только не Его, и вдруг...
Не стало в мире ничего
Иного, кроме Одного
Единственного. И тогда
В земную грудь вошла звезда,
А с ней небесный купол весь.
И Павел ощутил: вот здесь!

II

Какая в мире тишина...
В моей душе отражена
Твоя, и будет тыщу лет
В меня входить Твой тайный свет.

И будет длиться жизнь моя,
Пока Тобою полнюсь я.
Мгновенью вслед идет мгновенье...
Жизнь— это наше единенье...

* * *

Я осень тихую люблю.
Люблю унылую картину,
Как бы сводящую к нулю
Плоть мира. Тайный поединок

Со смертью. Обнажилась ось
Светящаяся. Тает тело,
И мы заглядываем сквозь
Смерть, куда-то за пределы.

И видим... Что? Слов точных нет.
Что это значит-жизнь иная,
Пусть даст Поэзия ответ.
Она одна про это знает.

* * *

О, мира кипящего грохот и дым
И крик беспрестанный: «Мой Боже!»
Но занятый Делом незримым своим,
Наш Бог отвлекаться не может.

Он так же немолкствует в мире, как ствол,
Как купол небес над пустыней.
Он в наши глубины безмолвно вошел.
Он скрыт у меня в сердцевине.

И лишь потому еще длятся года
И звезд к нам доходит мерцанье,
Что Он ни зачем, ни на миг, никогда
Еще не нарушил молчанья.

* * *

Мне бы только затаиться
Где-нибудь в лесу, у пня.
Чтоб никто—ни зверь, ни птица—
Не заметили б меня.

Чтоб небесные пустоты
Отразились в глубине.
Чтобы Бог свою работу
Совершать бы мог при мне.

* * *

Грядет воскресение мертвых—
Такая стоит благодать.
Все наше прошедшее стерто,
И заново можно писать.

Как сосны, немотствует разум,
И знание в сердце растет,
Что жизнь—это *tabula rasa*,
Огромная, как небосвод.

И вверх поднимаю глаза я,
И мне открывает весна,
Что Пишущий не исчезает.
Исчезнут одни письма.

* * *

Сверкание снега
Весеннею ранью.
Великая нега-
Души набуханье.

Такие тишины,
Такие провалы,
Как будто у жизни
Пределов не стало.

Как будто открылась
Внезапно граница,
И вся наша сила
За нею хранится.

Полнехонька чаша-

Возьми и откушай.

Бессмертие наше

Вливается в души.

И вот наконец-то-

Ни дней, ни столетий.

Допейся до детства

И-«будьте, как дети»

* * *

Вижу-вижу, знаю-знаю...

Боже мой, как в мире тихо!

Есть у боли щель сквозная.

Есть из смерти тайный выход.

Как открылось мне все это?

Как упала с глаз завеса? —

Я со всем весенним светом

Заходила в темень леса.

* * *

Лес апрельский. Даль седая

И намокшая дорога.

Не спеши. Не опоздаешь.

Никогда не поздно к Богу.

Тонко тенькает синица,

Тих и ласков ветер встречный.
Значит, время только снится.
Значит, путь уводит в вечность.

* * *

Весенний снег голубоватый,
Сиянье льда.
Лучи ведут меня куда-то.
Но вот куда?

Лес хвойный раннею весною
Погожим днем
О чем-то говорит со мною
Но вот о чем?

Блаженное непониманье—
Мотив без слов.
Ведь ты меня куда-то манишь.
Я слышу зов.

И этого сегодня хватит.
Идет весна.
Не знания, а благодати
Душа полна.

Мир снова чист и неисхожен.
Сияет высь.

Ты более меня, мой Боже.

И в этом—жизнь.;

* * *

И каждый день идет работа:

Мое усилие поворота

Извне вовнутрь, из всех пределов

Во всеохватную всецелость,

Где воцарилась тишина.

Моей душе сейчас нужна

Лишь эта тишина, в которой

Крыла расправили просторы.

* * *

Еле слышный звук капли,

Словно чей-то чуткий шаг.

Тихо-тихо, еле-еле-

Осторожнее—Душа!

Легче тонкой струйки дыма,

Ускользящей из глаз...

Осторожнее—Незримый

Обитает среди нас.

Сомневаться невозможно.

Расступились облака...

Осторожно! Осторожно!..

Нитка жизни так тонка!..

* * *

Свет золотом сосны окутал.

Свет в сердце открытое хлынул.

И стало так тихо, как будто

Я с небом слилась воедино.

Так бережны первые птицы.

Так манят в бездонность провалы,

Как будто и вправду границы

Меж жизнью и смертью не стало.

Так чутко, так ласково чертят

Путь мыслям апрельские тени,

Что я понимаю посмертье,

Я знаю свое дорожденье.

II

Я призраком блуждать не буду

В пространстве инобытия.

Я просто разольюсь повсюду,

И все же-это буду я.

И над пропавшими чертами

Лицо появится опять.

Нет, я не встану перед вами,

Но вы должны меня узнать.

III

О, труд и счастье узнаванья!

Бог—тайна. Он таится там,

Куда огонь закатный канет,

Где дождь закаплет по листьям.

Да, Он воистину—повсюду.

Ему любое сердце—дом.

Но большего не знаю чуда,

Чем отыскать Его во всем.

* * *

Ты ждешь пришествия второго.

Но ведь оно не для слепого.

Не развернется небосвод,

И Бог на землю не придет.

Он ждет моих земных усилий.

Он ждет, чтоб мы глаза раскрыли.

Чтоб отворились наши уши

И натекло бы небо в душу.

* * *

И вдруг случается такое:

Вся даль всплывает в сердце к нам.

И ты притронулся щекою

К звезде и пальцем-к облакам.

И так нам тихо, так хрустально,
Что в океане видно дно
И ты с звездой самой дальней—
Неразделимое Одно.

* * *

А тишина стоит на страже
И охраняет Божество.
«Храни вас Бог...» Но кто нам скажет:
«Храните Бога своего?»

Ветвей безлиственные нити
Чуть-чуть колеблются, шурша-
Храните тишину, храните
Пространство, где растет душа.

* * *

Нет закатного пожара.
Блекнет небо, красок нет.
Только чары, чары, чары,
Только в сердце-долгий след.

Только тихая дорога.
Отгоревший небосвод.
Только сумрак, полный Богом,-
Тайны медленный восход.

I

Тихо-тихо ветки шелестят.
Боже, что такое райский сад?
Это значит—на сто верст вокруг
Не раздастся ни единый звук,
И душа замолкшая твоя
Стала мерой полнобытия.
Ты на целый мир совсем один.
Посторонних не было и нет.
И на твой вопрос придет ответ
Только лишь из собственных глубин.

II

С самим собой наедине...
Слова, уйдите! Мысль, замри!
Ведь одиночество вовне—
Единство тайное внутри

Со всеми. Целый мир в груди.
Как вольно дышится одной!
Кто хочет, смолкни и войди
В единство полное со мной.

* * *

«Она еще не родилась»

О. Мандельштам

И сердцу стали вдруг слышны

Те тайны, что от глаза скрыты.
Рождался звук из тишины
Так, как из пены Афродита.

Таинственная эта связь
Безмерности и точки малой...
Она еще не родилась.
А прямо на глазах рождалась.

* * *

Моя задача-выход на кресте.
Я так живу. И мне нельзя иначе.
О, Господи, ответь мне-где же те.
Кто мне помогут разрешить задачу?

Опять в лесу-живая тишина
С полоской ускользящего дыма.
Задача до сих пор не решена.
И все-таки задача разрешима.

* * *

Сосны вечером так тихи!
Золотятся небес края.
Оживают мои стихи,
Оживает душа моя.

Разливается благодать.

Открывается сто дорог.
Быть живым—значит все объять,
Значит спутать, где ты, где Бог...

* * *

Треск костра... Боже, как я люблю
Этот звук, приводящий к нулю
Все волненья, все мысли, весь шум,
Заполняющий суетный ум.

Утихают тревога и боль.
Все часы превращаются в ноль.
Ноль часов. Больше времени нет.
Есть лишь только мерцающий свет.

Да вот этот единственный звук,
Усмиривший все звуки вокруг.
Ничего. Ноль долгов. Ноль забот.
Круглый ноль—отворившийся вход

В бесконечность, в тот самый провал,
Где мерцает начало начал.;

* * *

Спит земля, вода и ветер,
Звук умолк, и свет потух.
Он сейчас один на свете—

Вечно бодрствующий Дух.

В океан стремятся реки,
В грудь безмерность натекла.
Это Он смежил нам веки,
Чтоб раскрыть свои крыла.

Вновь покой душа обрящет.
Больше нет тревог и мук.
Это Он, всегда не спящий,
Усыпляет все вокруг.

Волн дыханье, вздох прибоя—
Грудь морская широка.
Это Он объял собою
Всех уснувших на века.

В мраке смерти, в сердце ночи
Жив и светел Он один.
Это Он сейчас пророчит
Из сновидческих глубин.

* * *

Что значит первородный грех?
Чуть в сторону от вечных вех.
Ведь надо так немного—
Чуть в сторону от Бога,

И все. И под ногой—обрыв.
И ты уже ни мертв, ни жив.
И ты кричишь: «Мой Боже!»
Но Он помочь не может.

Ведь ты от Бога отделен:
Ты-только ты. Он—только Он.

* * *

Ничего и не было
На земле моей.
Вижу только небо я
Меж седых ветвей.

Ничего не прожито.
Не прошло и дня.
Лишь бездонность Божия
В сердце у меня.

* * *

32 соната Бетховена
Вначале-вихрь. Взрыв. Прорыв Творца.
И—бунт в ответ всей плоти и всей крови.
И-дрожь в руках, и-градом пот с лица,
И—сердце, потрясенное в основе.

Удар и—волны, бьющие вокруг.
И—рваных ран сквозящее зиянье.
Вначале-Воля, как гигантский плуг,
Перевернувшая пласты сознания.

О, этот свет, объятый древней тьмой
Бунтующих, восставших своеволий.
Вначале-Боль. Но только, Боже мой,
Что Ты творишь из этой первой боли!

Что Ты сейчас посеешь в грудь мою,
Отверстую от края и до края?
Я все тебе, мой Боже, отдаю
И Твой удар святой благословляю.

И охраняю тот покой зерна
На глубине глубин, закрытой зренью.
Вначале-крик. А после-тишина—
Великий мир седьмого дня Творенья.

* * *

Ничего душа не просит.
Лес высок, безлюден, тих.
Затеряться б среди сосен,
Просто стать одной из них,

Дух смешать с пахучей хвоей,

Вместо мыслей—веток сеть...
И над чьей-то головою
Вдруг о Боге прошуметь.

* * *

На многих и многих
Душа не дробится.
Я—только о Боге,
Как ветер и птица.

Как свет, что, нахлынув,
Фонтанами брызнет. —
О вечно едином
Подателе жизни.

* * *

Тишина-это значит, что Богу
Не мешает совсем ничего,
Что свободно сияет дорога
Для крылатых посланцев Его.

В тишине превращается в небыль,
Замирает, бездействует грех.
Тишина-это значит, что небо
Всем открыто, доступно для всех.

Тихий ветер деревья баюкал.

Ель, шурша, прислонилась к сосне.

Тишина-не отсутствие звуков,

А присутствие Бога во мне.

* * *

Тишину измеряют сердцем.

Тишиной измеряют сердце.

Все, кто стихли,-единоверцы.

Мы с тобой превратились в слух.

Нам открылись такие дали!

Мы с тобою сейчас узнали,

Не придумали, а узнали,

Как он веет-Единый дух.

* * *

Поэзия... но это, Боже мой,

Такая бесконечная дорога!

Всегда окольная—не по прямой.

А только сквозь все дали—через Бога.

Казалось бы, пути на полчаса,

Но мы идем все дни свои и ночи,

С земли на землю через небеса.

И невозможно проще и короче.

* * *

Поэзия есть тайный лад,
Согласие души и Бога.
Наш Бог—поэт. И в райский сад
Войти одни поэты могут,

Согласные с творящей волей,
Как с ветром вал и с небом—поле.
А тот, нарушивший запрет
Живого Бога,—не поэт.

* * *

Всю жизнь расти. Растить и только.
Не отвлекаясь ни на миг.
И молча знать, как Бог велик.
И сколько надо миггов, сколько
Часов и дней и лет пути,
Чтобы до Бога дорасти.

* * *

Внутри сердца входит Божество
Со всей безмерностью Его.
И эта трепетная грудь
В себе вмещает Млечный Путь

И этот всеохватный свет.
Которому предела нет.
И вездесущ и всемогущ

Не некий житель райских кущ,

А житель глубины моей-

Владыка внутренних морей.

* * *

Что значит час богослуженья?

Тот час, проведенный в мольбе

О чем-то, недоступном тленью,

И никогда не о себе.

Час приближенья сердца к раю.

Тот высший час, пустынный тот,

Когда в нас смертный умирает

И Бог из смерти восстает.

Весенняя птица запела.

Мне волосы ветер потрогал.

У сердца есть главное Дело—

Служить подмастерьем у Бога.

У сердца есть высшее счастье—

Бездонное море доверья.

Есть в мире единственный Мастер,

А я у Него—подмастерье.

* * *

Волны запаха лесного,

Птиц залиvistое пенье.
Я сейчас рождаюсь снова
С первым листиком весенним.

Никаких воспоминаний.
В нищете—мое богатство.
У души одно призванье—
Вечно заново рождаться.

* * *

Не кончен, не создан. Еще не готовы,-
Наш мир создается все снова и снова.
Нам нет завершенья. Не знает конца,
Не знает покоя работа Творца.

И этому миру наступит конец
Не прежде, чем бросит работу Творец.
-А день наш последний? А огненный суд?
-Не прежде, чем кончится творческий труд.

* * *

Всегда распахнут в тайну вход.
Всегда раскрыты в вечность двери.
И в смерть поверит только тот,
Кто в тишину не смог поверить.

Кто догадаться не сумел,

Душа еще не распознала,
Что затиханье-не предел,
А лишь великое начало,

Заглядыванье за края...
И в час кончины неизбежной
Душа стоит на побережье
У океана Бытия.

Кончаются лишь только сны.
Проходит то, что было тенью.
Но нет конца у тишины.
И нет у жизни завершенья.

* * *

Одиночество—это свет,
Тот, в котором почти тону.
Нет опоры. Другого нет.
Но душа не идет ко дну.

Одиночество—это круг
Неба, крыльев моих разлет.
В мире нету врага, а друг
Одиночества не прервет.

Бесконечное торжество,
Когда сердце мое полно.

Друг мой просто войдет в него.
Нас не двое. Мы с ним—одно.

* * *

Таким покоем переполнен лес,
Такой глубокой дышит благодатью,
Что сердце звет: есть противовес
Кровавой муке вечного распятия.

Легли густым покровом облака.
В лесу темно, торжественно и строго.
Земная боль безмерно велика,
Но кто измерит всю безмерность Бога?

Кто смог измерить сердцем небосвод
И замереть в немом благоговенье?
Лишь тот, кто это сделает, поймет,
Что значит жизнь и что есть воскресенье.

* * *

Я бодрствую. Душа пробуждена.
Передо мною высится сосна.
Столетний лес поднялся в полный рост,
Запутав в кронах россыпь крупных звезд.

Я бодрствую. Душа моя не спит.

Земной простор передо мной открыт.
И в целом мире нету ничего
Сокрытого от сердца моего.

Я бодрствую. Так значит, ни на шаг
Приблизиться не сможет тайный враг.
Ему укрыться и защиты нет,
Когда разлит незаходящий свет.

Я бодрствую. Так значит, весь запас
Всемирной силы влился внутрь глаз.
И каждый миг из прожитого дня
Безмолвно возвращается в меня.

Жизнь здесь. Не утекает никуда.
Во мне горит погасшая звезда.
Вся чаша сердца до краев полна.
Я бодрствую. Душа пробуждена.

* * *

Мы забыли, что Бог—безымянный.
Мы забыли, что имени нет
У отверстой зияющей раны,
У души, излучающей свет.

Если сердце пробито навывлет,
Все, что смертно, рассыпалось в прах.

Боже святой, Тебя мы забыли,
Спор ведя о Твоих именах.

* * *

Как упорна она, как давно
Мысль простейшая бьется во мне:
Я—никто. Я-лишь только окно.
Я—пробоина в твердой стене.

Только плотность стены прорубя,
Только после великих потерь
Понимаю: я—выход в Тебя,
Я—к Тебе приводящая дверь.

С целым миром окончился спор.
Я-никто. Обо мне позабудь.
Я есмь вход в бесконечный простор.
Только вход, только дверь, только путь.

* * *

И вдруг В тиши открылось мне,
Что только на одной струне
Мир держится. Жизнь продлена,
Пока звенит одна струна,
И звон идет сквозь все сердца
В простор, не знающий конца.
Как бы у Господа в руке

Висим на тонком волоске,
И он способен удержать
Земную ширь, морскую гладь,
Небес раскинутых простор
И тяжесть ледниковых гор.
Вот только б дух наш стихший смог
Сберечь тончайший волосок.
